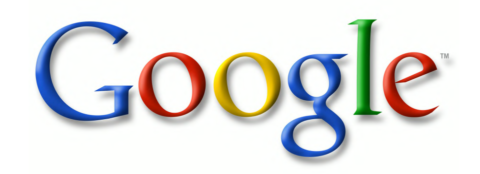
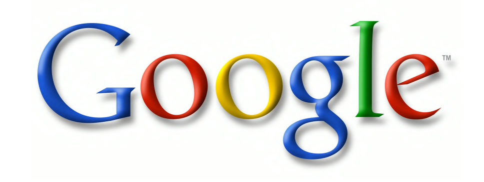

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
1969

Многоуважаемому Николаю Федоровичу Красносельцеву от автора

ЗНАЧЕНІЕ ПЕРВЫХЪ СЛАВЯНОФИЛОВЪ

ВЪ ДѢЛѢ УЯСНЕНІЯ ИДЕЙ

НАРОДНОСТИ И САМОБЫТНОСТИ.

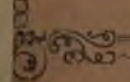
РѢЧЬ,

произнесенная на годичномъ актѣ Кіевской духовной Академіи 26 сентября 1891 года.

В. Завитневича.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.
1891.

ИЗДАНИЕ

ЗНАЧЕНІЕ ПЕРВЫХЪ СЛАВЯНОФИЛОВЪ

ВЪ ДѢЛѢ УЯСНЕНІЯ ИДЕЙ

НАРОДНОСТИ И САМОБЫТНОСТИ.

РѢЧЬ,

произнесенная на годичномъ актѣ Кіевской духовной Академіи 26 сентября 1891 года.

В. Завитневича.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.
1891.

ИЗДАНИЕ

Значеніе первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности.

(Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Кіевской Духовной Академіи 26 сентября 1891 г.).

Между идеями, выдвинутыми новѣйшею европейской исторіей, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ идеѣ народности. Зародившись въ эпоху господства надъ Европой произвола Наполеона I, идея эта съ тѣхъ поръ успѣла создать многое: подъ ея непосредственнымъ воздѣйствіемъ объединилась Италія, создалась сильная Германія, призваны къ новой жизни христіанскіе народы Балканскаго полуострова; слѣды ея проявленія не трудно замѣтить и въ борьбѣ политическихъ страстей разноплеменной Австріи, и т. д. Параллельно съ воплощеніемъ этой идеи въ дѣйствительной жизни идутъ попытки и ея теоретическаго обоснованія. Починъ въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, принадлежитъ знаменитому германскому философу Фихте Старшему. Его пламенная проповѣдь, нашедшая своеобразное подкрѣпленіе въ системѣ Гегеля, скоро сдѣлалась неотъемлемымъ достояніемъ сознанія сначала нѣмцевъ, а потомъ,—въ той или другой формѣ,—и всѣхъ другихъ западно-европейскихъ народностей. И если бы въ настоящее время нашелся человѣкъ, который бы любому изъ западно-европейскихъ народовъ предложилъ отречься отъ началъ своей народности и самобытности въ культурномъ

Изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ за 1891 г. № 11.

Значеніе первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности.

(Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Кіевской Духовной Академіи 26 сентября 1891 г.).

Между идеями, выдвинутыми новѣйшею европейской исторіей, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ идеѣ народности. Зародившись въ эпоху господства надъ Европой произвола Наполеона I, идея эта съ тѣхъ поръ успѣла создать многое: подъ ея непосредственнымъ воздѣйствіемъ объединилась Италія, создалась сильная Германія, призваны къ новой жизни христіанскіе народы Балканскаго полуострова; слѣды ея проявленія не трудно замѣтить и въ борьбѣ политическихъ страстей разноплеменной Австріи, и т. д. Параллельно съ воплощеніемъ этой идеи въ дѣйствительной жизни идутъ попытки и ея теоретическаго обоснованія. Починъ въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, принадлежитъ знаменитому германскому философу Фихте Старшему. Его пламенная проповѣдь, нашедшая своеобразное подкрѣпленіе въ системѣ Гегеля, скоро сдѣлалась неотъемлемымъ достояніемъ сознанія сначала нѣмцевъ, а потомъ,—въ той или другой формѣ,—и всѣхъ другихъ западно-европейскихъ народностей. И если бы въ настоящее время нашелся человѣкъ, который бы любому изъ западно-европейскихъ народовъ предложилъ отречься отъ началъ своей народности и самобытности въ культурномъ

развитіи, то можно съ увѣренностію утверждать, что подоб ная проповѣдь объявлена была бы дѣломъ безумной дерзост и, конечно, осталась бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Не такова историческая судьба идеи народности въ на шемъ отечествѣ. Мы, русскіе люди, обнаружившіе стольк слѣпой подражательности въ отношеніи ко всему тому, чт только доходило до насъ съ Запада путнаго и непутнаго, н этотъ разъ вдругъ какъ будто измѣнили себѣ и задумали ори гинальничать. И вотъ, когда въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ го довъ изъ небольшаго кружка славянофиловъ раздался при зывной голосъ, предлагавшій культурнымъ слоямъ нашего об щества возвратиться къ началамъ своей народности, этот призывъ встрѣченъ былъ, какъ извѣстно, самыми грубым насмѣшками, самымъ пошлымъ издѣвательствомъ. На первых порахъ можно было подумать, что такое отношеніе къ ис кренней проповѣди благороднѣйшихъ и образованнѣйших русскихъ людей было дѣломъ простаго недоразумѣнія, про исшедшаго отъ того, что въ первыхъ сочиненіяхъ славяно филовъ многое казалось отрывочнымъ и недосказаннымъ, н мало было туманности и увлеченія. Скоро однакожъ выясни лось, что тутъ дѣло не въ недоразумѣніи. Это особенно сдѣ лалось яснымъ, когда въ 1869 году появилось въ печати из вѣстное изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго: „Россія и Европа“ [1], въ которомъ идея народности получила такое блестящее об основаніе, что оставила за собою все, что по этому вопрос появлялось до этого времени у насъ и въ З. Европѣ. Из вѣстно, что въ философіи исторіи прежде господствовало и п настоящее время держится воззрѣніе, по которому исторі

[1]) Сочиненіе это первый разъ появилось въ журналѣ „Заря“ за 1869 г и въ 1871 году вышло отдѣльнымъ изданіемъ. Мы пользовались *четвертым* изданіемъ. С.-Петербургъ. 1889 г. Книга Данилевскаго не свободна отъ ошибок но эти ошибки легко могутъ быть устранены безъ вреда для основнаго положе нія, которое доказывается въ книгѣ.

человѣческаго прогресса представляется въ видѣ непрерывающагося движенія впередъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что начала, выработанныя культурою предшествовавшихъ по времени народовъ, передаются для дальнѣйшаго развитія народамъ, вновь выступающимъ на историческое поприще. Доказавъ искусственность такой группировки историческихъ фактовъ, группировки, естественной съ точки зрѣнія нѣмецкаго идеализма, но совершенно не соотвѣтствующей дѣйствительному теченію исторической жизни, нашъ знаменитый соотечественникъ выдвигаетъ свою теорію, которую можно назвать теоріей „культурно-историческихъ типовъ" и сущность которой заключается въ слѣдующемъ. Взаимодѣйствія двухъ народныхъ культуръ, послѣдовательно или единовременно выступающихъ въ исторіи, Данилевскій не отвергаетъ, напротивъ, онъ признаетъ за нимъ широкое оплодотворяющее значеніе. Онъ прямо утверждаетъ, что все то, что стоитъ внѣ сферы народности, т. е. выводы и методы положительныхъ наукъ, техническіе пріемы, усовершенствованія искусствъ и промышленности и т. д., все это можетъ и должно передаваться отъ одного народа къ другому. Онъ не допускаетъ лишь одного, именно—передачи самыхъ *началъ* той или другой народной культуры, т. е. того, что составляетъ специфическія особенности психическаго строя народа, что составляетъ, такъ сказать, физіономію его души. Изъ пяти законовъ историческаго развитія, третій законъ Данилевскаго прямо гласитъ: „Начала цивилизаціи одного культурноисторическаго типа не передаются народамъ другаго типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее (цивилизацію) для себя, при большемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ, цивилизацій". Общій смыслъ человѣческаго прогресса, съ точки зрѣнія разбираемой теоріи, состоитъ, слѣдовательно, не въ томъ, чтобы идти все въ одномъ и томъ же направленіи, развивая одно какое-нибудь начало (что фактически невозможно), а въ томъ, чтобы открывать міру все

новыя и новыя стороны человѣческаго духа, чтобы исходить, такъ сказать, все поле, составляющее поприще исторической дѣятельности человѣчества, во всѣхъ направленіяхъ. Ясно, что такая точка зрѣнія даетъ широкое, всестороннее, полное глубокаго смысла, обоснованіе идеи народности и освобождаетъ ее отъ того узкаго національзма, какой придали было ей нѣмецкіе патріоты. Мало того. Теорія Данилевскаго, освобождая взглядъ на человѣческій прогрессъ отъ той узкой прямолинейности, съ какою мы встрѣчаемся въ системахъ нѣмецкихъ идеалистовъ, въ то же время не оставляетъ мѣста и для произвола „тучныхъ мозговъ“, представляющихъ исторію человѣчества безсмысленной игрой слѣпаго случая. Прибавимъ къ этому, что вообще вся книга Данилевскаго, какъ совершенно вѣрно выразился одинъ изъ объективнѣйшихъ ея рецензентовъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [1]), поражаетъ читателя, впервые открывшаго ея страницы, необыкновенною стройностью логической, убѣдительностью своихъ доводовъ, полною объективностью изложенія, точностью естественнонаучнаго метода, массою знаній экономическихъ, политическихъ, историческихъ и даже богословскихъ и т. д. Казалось бы, что принципъ, столь научно обоснованный и полагающій столь разумное основаніе для вѣры въ самобытность русской народной культуры, будетъ встрѣченъ передовымъ классомъ русскаго общества съ истинною благодарностью. И что же? Сочиненіе Данилевскаго, доставившее автору среди западныхъ славянъ названіе „апостола славянства“, у насъ на первыхъ порахъ встрѣчено было почти полнымъ невниманіемъ, а критики, говорившіе о немъ,—скажемъ словами того же рецензента,—„съ трогательнымъ единодушіемъ, не смотря на различіе партій, отзывались равно не благосклонно“.—Чѣмъ же объяснить и это невниманіе общества и эту неблагосклонность критики?

---

[1]) „Теорія культурно-историческихъ типовъ“. Статья эта приложена къ сочиненію Данилевскаго. См. тамъ же, стр. 559.

Пусть отвѣтитъ критика сама за себя. Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ критиковъ, В. С. Соловьевъ[1]), находитъ, что идея народности, понимаемая въ духѣ Данилевскаго, противорѣчитъ, во-первыхъ, началамъ христіанства, какъ религіи вселенской, а поэтому и не терпящей той исключительности, которая неизбѣжно будто бы связана съ идеей народности; во-вторыхъ, она противорѣчитъ въ частности христіанской нравственности потому, что вводитъ якобы въ международныя[2]) и общественныя отношенія „безчеловѣчіе и людоѣдство“ и, въ концѣ концовъ, губитъ и личную и семейную нравственность; наконецъ, въ третьихъ, она противорѣчитъ смыслу всемірной исторіи, потому что, потворствуя эгоизму народа, она мѣшаетъ послѣднему примкнуть къ всечеловѣчеству для совмѣстнаго служенія съ нимъ вселенскому дѣлу, т. е. водворенію на землѣ Царства Божія. Спасеніе отъ разрушительнаго дѣйствія этой идеи г. Соловьевъ видитъ въ *самоотреченіи*, т. е. въ отреченіи народа отъ коренящихся въ нѣдрахъ его

---

[1]) „Національный вопросъ въ Россіи“. Мы пользовались *вторымъ* изданіемъ. С.-Петербургъ 1888 г.

[2]) Было бы большой ошибкой современный европейскій милитаризмъ ставить въ причинную связь съ торжествомъ въ Европѣ начала народности. Главный источникъ современнаго милитаризма несомнѣнно—Пруссія; но политика современной Пруссіи есть лишь продолженіе политики Фридриха II, полъ-вѣка державшаго подъ ружьемъ всю Европу; а между тѣмъ галломана Фридриха можно заподозрѣть въ чемъ угодно, только не въ преслѣдованіи національныхъ тенденцій. Вообще, не слѣдуетъ національными тенденціями объяснять того, что совершенно естественно объясняется тенденціями чисто государственнаго характера. Забота объ охранѣ цѣлости и единства даннаго культурно-политическаго типа, конечно, можетъ быть причиною военныхъ дѣйствій; но причиною этихъ дѣйствій можетъ быть и попеченіе о спасеніи чести, свободы, имущества, цѣлости государства и т. д. Станемъ ли мы изъ-за этого попирать идею чести, свободы и т. д.? Къ тому же, національная идея по природѣ своей идея мирнаго характера: сфера ея законнаго вліянія есть сфера культурной дѣятельности, на которую она стремится положить свою печать. Возможность злоупотребленія этой идеей мы не отвергаемъ. Но не нужно забывать, что и подъ христіанскимъ знаменемъ творились нехристіанскія дѣла: развѣ подобное злоупотребленіе даетъ право бросать камнемъ въ христіанство?

духа своихъ собственныхъ началъ и „въ братскомъ, какъ онъ выражается, соглашеніи съ тѣмъ *духовнымъ началомъ*, на которомъ зиждется жизнь западнаго міра“; а это духовное начало, по своеобразной логикѣ нашего философа—публициста, представляется началомъ не западно-европейскихъ только народовъ, а почему-то—началомъ общечеловѣческимъ. Обращаясь, затѣмъ, къ нашей исторіи, г. Соловьевъ находитъ, что все великое, что́ только сдѣлалъ русскій народъ въ своемъ историческомъ прошломъ, заключается именно въ его двукратномъ самоотреченіи. Первый разъ онъ отрекся отъ себя въ моментъ своего выступленія на историческое поприще въ фактѣ призванія варяговъ. Второй разъ онъ отрекся отъ себя при выступленіи на поприщѣ культурной дѣятельности въ реформахъ Петра В. Для полнаго духовнаго возрожденія ему осталось совершить еще третье и самое главное самоотреченіе: именно—самоотреченіе религіозное въ пользу единенія съ римскимъ католицизмомъ, единенія, основаннаго, конечно, на признаніи идеи папства, такъ какъ только одно невѣжество въ области церковной исторіи и современной католической догматики можетъ утверждать, что римскій католицизмъ, для возстановленія церковнаго мира, согласится отречься отъ своихъ новшествъ; безъ этого же отреченія со стороны католицизма соединеніе церквей возможно только на началахъ компромисса; а основывать церковный миръ на началахъ компромисса могутъ только тѣ, для которыхъ единство церкви ничѣмъ не отличается отъ любаго политическаго союза или отъ любой торгово-промышленной сдѣлки. Къ тому же, кому не извѣстна историческая судьба всѣхъ тѣхъ церковныхъ уній, которыя не разъ затѣвались на началахъ компромисса?—Итакъ, вотъ тотъ высшій принципъ, во имя котораго издавна отрицалась и по настоящее время отрицается у насъ идея народности. Тутъ невольно вспоминаются слѣдующія слова А. С. Хомякова. „За страннымъ призракомъ погнались у насъ многіе. Общеевропейское, общечеловѣческое!... но оно

нигдѣ не является въ отвлеченномъ видѣ. Вездѣ все живо, все народно. А думаютъ же иные обезнародить себя и уйти въ какую-то чистую, высшую сферу. Разумѣется, имъ удастся только уморить свою жизненность и, въ этомъ мертвомъ видѣ, не взлетѣть, а, такъ сказать, повиснуть въ пустотѣ, т. е. изобразить изъ себя магометовъ гробъ".

Изложенные взгляды даютъ намъ наглядное представленіе о томъ, въ какомъ положеніи находится у насъ вопросъ о значеніи начала народности въ исторіи. По мнѣнію Данилевскаго и всѣхъ славянофиловъ, историческая миссія каждаго народа, который можетъ быть признанъ за отдѣльный культурно-историческій типъ, состоитъ въ постепенномъ осуществленіи въ жизни началъ, коренящихся въ особенностяхъ его психическаго строя; народъ, отрекающійся отъ этихъ началъ, отрекается вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ своей исторической роли и превращается въ простой этнографическій матеріалъ. Напротивъ, по мнѣнію г. Соловьева и его единомышленниковъ, идея народности, понимаемая въ указанномъ смыслѣ, является началомъ мертвящимъ, разрушающимъ, а поэтому историческое призваніе каждаго отдѣльнаго народа состоитъ въ стремленіи къ постепенному освобожденію отъ этого начала и проникновенію началомъ общечеловѣческимъ. По представленію Данилевскаго, каждый народный типъ представляетъ своего рода зерно, которое подлежитъ самобытному органическому развитію; общечеловѣческій же элементъ играетъ при этомъ лишь роль воздуха, теплоты, влаги, словомъ—тѣхъ условій, при которыхъ зерно развивается. Вотъ почему, какъ зерно, при какихъ бы условіяхъ оно ни развивалось, никогда не измѣняетъ своей природы, и на стеблѣ, выросшемъ изъ пшеничнаго зерна, непремѣнно выростетъ и пшеничный колосъ, такъ точно бываетъ и съ народами. Хотя, напр., римляне развивались подъ сильнымъ воздѣйствіемъ греческой образованности, однакожъ никто не смѣшаетъ римской культуры съ культурою греческою, равно какъ никто

не станетъ отождествлять культуры новѣйшихъ романо-германскихъ народовъ съ культурою народовъ классическихъ, хотя первые развивались подъ воздѣйствiемъ образованности вторыхъ. По представленiю же г. Соловьева, народность—это есть дичекъ, который, предоставленный самому себѣ, непремѣнно принесетъ дикiе плоды; вотъ почему его необходимо срѣзать и привить облагороженную вѣтку, которая, питаясь соками дичка, принесетъ плоды, соотвѣтствующiе своей природѣ. Словомъ, та самая величина, которая у Данилевскаго выступаетъ съ знакомъ положительнымъ, у г. Соловьева она имѣетъ при себѣ знакъ отрицательный. Ясно, что такое принципiальное разногласiе не можетъ быть примиримо: принимая одну точку зрѣнiя, мы неизбѣжно должны отвергнуть другую. Какой же изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнiя должно быть отдано предпочтенiе? Прежде всего необходимо замѣтить, что апрiорно-теоретическимъ путемъ вопросъ этотъ въ настоящее время не можетъ быть рѣшенъ категорически. Теоретическое рѣшенiе этого вопроса предполагаетъ существованiе общепризнанной философской системы, изъ началъ которой съ логическою принудительностiю можно было бы вывести законы развитiя человѣческаго духа и намѣтить самые пути, которымъ слѣдуетъ онъ въ своемъ обнаруженiи. Пока же такой системы нѣтъ, теоретическая постановка этого вопроса, какъ это показалъ многократный опытъ, открываетъ широкiй просторъ для произвола, положить предѣлы которому можно только путемъ анализа фактовъ дѣйствительной жизни. Вотъ почему въ роли русскаго историка мы позволимъ себѣ перенести на нѣсколько минутъ благосклонное вниманiе нашихъ просвѣщенныхъ слушателей на то не такъ отдаленное время, когда въ зарождавшейся славянофильской школѣ идея народности впервые у насъ сдѣлалась предметомъ серьезнаго обсужденiя. Историческое освѣщенiе этого момента лучше всякихъ, какъ намъ кажется, теоретическихъ соображенiй уяснитъ намъ значенiе въ нашей исторiи начала народности.

Думаемъ, что глубокій интересъ, какой возбуждаетъ этотъ вопросъ самъ по себѣ, съ одной стороны, и его практическое значеніе въ наше время—съ другой, служатъ достаточнымъ оправданіемъ избранія этого вопроса предметомъ для настоящей рѣчи.

Нѣкоторые изслѣдователи первыхъ слѣдовъ славянофильства ищутъ въ глубинѣ нашей исторіи, начиная чуть-ли не съ XIV вѣка. Мы, конечно, не послѣдуемъ ихъ примѣру по слѣдующей совершенно понятной причинѣ. Сущность славянофильской школы, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что она, народность, т. е. специфическія особенности психическаго строя народа, признаетъ кореннымъ началомъ народной культуры. Ясно, что такая школа могла появиться у насъ лишь тогда, когда, во-первыхъ, путемъ образованія мы научились понимать вообще значеніе началъ въ исторической жизни народовъ и когда, во-вторыхъ, мы на основаніи личнаго опыта убѣдились, что жить чужимъ умомъ и на чужой счетъ, достигать цѣлей чужими путями, рискованно, опасно и даже просто невозможно. А такого рода пониманіе вещей, той ясности, при которой оно могло вызвать въ нашемъ сознаніи реакцію и стать основаніемъ для цѣлой школы, могло появиться у насъ не раньше XIX вѣха, хотя несомнѣнно то, что условія, подготовившія такую реакцію, появились гораздо раньше и главнымъ образомъ—въ эпоху Петровскихъ реформъ.

Хотя споръ о значеніи реформъ Петра В. у насъ все еще продолжается, но результаты, добытые этимъ споромъ, уже настолько значительны, что для человѣка, способнаго подняться выше партіозности спорящихъ сторонъ, болѣе или менѣе близкое къ истинѣ сужденіе по этому вопросу не невозможно. Прежде всего необходимо призвать доказанною ту истину, что самая идея реформы, насколько она основана на стремленіи къ заимствованію у другихъ народовъ, не была изобрѣтеніемъ Петра В. и не была, слѣдовательно, плодомъ его произвола, а выработалась постепенно путемъ естествен-

наго теченія исторической жизни. Извѣстно, что стремленіе къ усвоенію технической стороны европейской образованности у насъ началось со времени Іоанна III, а къ концу XVII вѣка оно приняло уже значительные размѣры и достигло значительныхъ результатовъ[1]. Что касается другихъ сторонъ нашей культуры, то и въ этомъ отношеніи мы сначала встрѣчаемся съ жалобами на старыя условія московской жизни, а за тѣмъ и съ прямымъ стремленіемъ къ подражанію чужимъ формамъ. Такъ, напр., уже писатель конца XVI и начала XVII вѣка, князь Ив. Андр. Хворостининъ, начитавшись латинскихъ книгъ, жаловался, что въ Москвѣ „все людъ глупый, жити... не съ кѣмъ"; а отношеніе къ московскимъ порядкамъ знаменитаго Котошихина—фактъ общеизвѣстный. За развитіемъ недовольства своимъ, послѣдовало подражаніе чужому, которое къ концу царствованія Алексѣя Михайловича достигло такихъ размѣровъ, что понадобился особый именной указъ (1675 г.), которымъ всѣмъ придворнымъ чинамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ повелѣвалось, чтобы они „иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали, а также платья, кафтановъ и шапокъ у себя (иноземныхъ) не носили и людямъ своимъ потому же носить не велѣли". Изъ сказаннаго видно, что роль Петра В. въ разсматриваемо отношеніи ограничивалась тѣмъ, что онъ, во первыхъ, ста на сторону меньшинства, во-вторыхъ, то, что прежде имѣ случайный, отрывочный характеръ, онъ возвелъ въ нор которую сталъ проводить съ свойственною ему желѣз волею и почти нечеловѣческой энергіей. Что касаетс маго характера Петровскихъ реформъ, то сами славяно предлагаютъ въ этомъ отношеніи различать двѣ стороны. всемъ томъ, что касается чисто государственной дѣятельн

[1] „Протестантство и Протестанти въ Россіи до эпохи преобра Дм. Цвѣтаева. Москва 1890 г. См. гл. VIII.

Петра В., т. е. всѣ его военныя, флотскія, административныя, промышленныя насажденія, во всемъ этомъ они видятъ фактъ, заслуживающій, какъ выражается тотъ же Данилевскій, „вѣчной признательности, благоговѣйной памяти и благословенія потомства". Предметомъ спора, слѣдовательно, служатъ лишь тѣ изъ Петровскихъ реформъ, которыя касаются собственно культурной стороны народной жизни въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Характеръ реформъ въ этомъ отношеніи можно представить себѣ такъ. Выдѣливъ изъ русскаго народа верхній его слой, Петръ одѣлъ его въ европейскій костюмъ и, какъ принято выражаться, отдалъ его въ европейскую школу, строго на-строго приказавъ ученикамъ во всемъ слушаться своихъ учителей. Обученіе русскихъ людей въ европейской школѣ принесло двоякіе результаты. Одною своею стороною оно несомнѣнно принесло намъ немалую пользу. Знакомство съ европейскимъ образованіемъ, говоря вообще, внесло въ наше сознаніе новое содержаніе, расширило нашъ умственный кругозоръ, дало богатый матеріалъ для сравненія, а сравнительная дѣятельность мысли есть, какъ извѣстно, одно изъ коренныхъ условій всякаго умственнаго развитія. Но, что всего важнѣе, обучаясь въ европейской школѣ, мы мало по-малу стали знакомиться съ методомъ положительныхъ наукъ, которыя по всей справедливости составляютъ славу и гордость западно-европейской образованности. Результаты такого обученія не замедлили сказаться: реформа произведена была въ началѣ XVIII ст.; въ половинѣ того же столѣтія, у насъ уже явился великій Ломоносовъ, а за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ лицъ, работавшихъ на всѣхъ поприщахъ государственно-общественной дѣятельности и прославившихъ царствованіе Екатерины II. Словомъ, съ нами въ данномъ случаѣ повторилось нѣчто аналогичное съ тѣмъ, что̀ въ свое время случилось съ греками подъ воздѣйствіемъ культуры Востока, съ римлянами—подъ вліяніемъ культуры греческой, и съ западно-европейскими народами—подъ воздѣйствіемъ классической образованности.

Но если вѣрно то, что ознакомленіе съ европейскою образованностью ускорило наше собственное развитіе, то несомнѣнно и то, что порожденное реформами Петра и поддержанное его неблестящими продолжателями неразборчивое подражаніе Европѣ сопровождалось такими явленіями, которыя, при меньшей даровитости русскаго человѣка, могли бы окончиться весьма печальными послѣдствіями. Объяснимся.

Между способностями человѣческаго духа, которыми обусловливается прогрессивное развитіе какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа, одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ способности къ самодѣятельности и неразлучно связанному съ нею дару иниціативы. Гдѣ нѣтъ этой способности, тамъ нѣтъ ни истиннаго творчества, ни истинно-прогрессивнаго движенія впередъ. Представимъ же себѣ теперь наше интеллигентное общество въ послѣреформенную эпоху. Съ силою неограниченной власти, подкрѣпленной желѣзною волею и высокимъ авторитетомъ генія, этому обществу указываютъ на западъ и безъ всякихъ оговорокъ заявляютъ, что все западное хорошо, а все свое, что несходно съ тамошнимъ, дурно. Принявъ къ свѣдѣнію эту пышную рекламу, русскій человѣкъ, уже нѣсколько знакомый съ западомъ, хотѣлъ было собственнымъ умомъ поразмыслить, дѣйствительно-ли все чужое ужъ такъ безусловно хорошо, а все свое безусловно дурно; но богатырскій толчекъ извнѣ мгновенно выводитъ его изъ этого раздумья, и онъ, стремглавъ, безъ оглядки, бросается туда, куда его толкнули. Что изъ этого вышло, всѣмъ извѣстно. Наша сатирическая литература, начиная съ Кантемира, не разъ рисовала картины того слѣпаго, безсмысленнаго, чисто рабскаго подражанія, какими отличалось русское общество XVIII в. и отъ котораго оно только въ позднѣйшее время начинаетъ по-немногу освобождаться. Но сущность зла заключалась не въ томъ только, что русскій человѣкъ сталъ рядиться въ иностранный костюмъ и перенимать чужіе обычаи (хотя и это во-

Думаемъ, что глубокій интересъ, какой возбуждаетъ этотъ вопросъ самъ по себѣ, съ одной стороны, и его практическое значеніе въ наше время—съ другой, служатъ достаточнымъ оправданіемъ избранія этого вопроса предметомъ для настоящей рѣчи.

Нѣкоторые изслѣдователи первыхъ слѣдовъ славянофильства ищутъ въ глубинѣ нашей исторіи, начиная чуть-ли не съ XIV вѣка. Мы, конечно, не послѣдуемъ ихъ примѣру по слѣдующей совершенно понятной причинѣ. Сущность славянофильской школы, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что она, народность, т. е. специфическія особенности психическаго строя народа, признаетъ кореннымъ началомъ народной культуры. Ясно, что такая школа могла появиться у насъ лишь тогда, когда, во-первыхъ, путемъ образованія мы научились понимать вообще значеніе началъ въ исторической жизни народовъ и когда, во-вторыхъ, мы на основаніи личнаго опыта убѣдились, что жить чужимъ умомъ и на чужой счетъ, достигать цѣлей чужими путями, рискованно, опасно и даже просто невозможно. А такого рода пониманіе вещей, той ясности, при которой оно могло вызвать въ нашемъ сознаніи реакцію и стать основаніемъ для цѣлой школы, могло появиться у насъ не раньше XIX вѣка, хотя несомнѣнно то, что условія, подготовившія такую реакцію, появились гораздо раньше и главнымъ образомъ—въ эпоху Петровскихъ реформъ.

Хотя споръ о значеніи реформъ Петра В. у насъ все еще продолжается, но результаты, добытые этимъ споромъ, уже настолько значительны, что для человѣка, способнаго подняться выше партіозности спорящихъ сторонъ, болѣе или менѣе близкое къ истинѣ сужденіе по этому вопросу не невозможно. Прежде всего необходимо признать доказанною ту истину, что самая идея реформы, насколько она основана на стремленіи къ заимствованію у другихъ народовъ, не была изобрѣтеніемъ Петра В. и не была, слѣдовательно, плодомъ его произвола, а выработалась постепенно путемъ естествен-

нибудь дурнаго, мы, подготовляя одною рукою условія пуга-
чевскаго бунта, другою, не краснѣя, слали Европѣ увѣренія,
что у насъ каждый крестьянинъ каждый день имѣетъ курицу
за столомъ. А чтобы Европа убѣдилась, что русскіе люди не
только сыты, но и мучатся жаждой европейскаго просвѣще-
нія, мы являлись на аукціонъ европейской мудрости и тра-
тили крупныя суммы на покупку книгъ, которыя оставляли
лежать безполезнымъ балластомъ. Кто въ этомъ поведеніи
представителей „блестящаго вѣка" не узнаетъ достойныхъ
учениковъ знаменитаго „фернейскаго патріарха", учившаго,
что „надобно лгать какъ дьяволъ, не робко, не случайно
только, но смѣло и всегда. Лгите, друзья мои, лгите, поучалъ
Вольтеръ, я вамъ заплачу за это при случаѣ". Мы лгали и,
конечно, получили свою награду. Въ отвѣтъ на эту ложь
насъ увѣряли, что вся Европа намъ рукоплещетъ, удив-
ляясь, что такъ скоро дикіе скиѳы достигли столь высо-
каго просвѣщенія. Мы, конечно, наивно вѣрили этой лести,
умилялись, восхваляли въ свою очередь Европу за то, что она
довела скиѳовъ до такого состоянія и еще съ большимъ вы-
сокомѣріемъ относились ко всему, что не носило на себѣ пе-
чати европеизма. Извѣстна фраза, творцомъ которой при-
знается Бецкій, но которая на тысячи ладовъ варіировалас
панигиристами Екатерины, именно: „Петръ В. создалъ лю
дей, а Екатерина вложила въ нихъ душу". Итакъ выходил
что въ до-Петровской Руси, которая вынесла на своихъ пл
чахъ многовѣковое татарское иго, создала крѣпкое госуда
ство, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ отсто
ла его отъ напора разрушительныхъ стихій въ тяжкую год
ну самозванческихъ смутъ, выдвинула рядъ такихъ высо
гуманныхъ лицъ, какъ Нилъ Сорскій и его школа, и ря
лицъ съ такимъ высокимъ развитіемъ человѣчности, какъ
трополитъ Филиппъ или патріархъ Гермогенъ,—въ этой п
вославной Руси, по мнѣнію самообольщенныхъ панегирист
„блестящаго вѣка", не было людей. Но откуда же, спра

Петра В., т. е. всѣ его военныя, флотскія, административныя, промышленныя насажденія, во всемъ этомъ они видятъ фактъ, заслуживающій, какъ выражается тотъ же Данилевскій, „вѣчной признательности, благоговѣйной памяти и благословенія потомства“. Предметомъ спора, слѣдовательно, служатъ лишь тѣ изъ Петровскихъ реформъ, которыя касаются собственно культурной стороны народной жизни въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Характеръ реформъ въ этомъ отношеніи можно представить себѣ такъ. Выдѣливъ изъ русскаго народа верхній его слой, Петръ одѣлъ его въ европейскій костюмъ и, какъ принято выражаться, отдалъ его въ европейскую школу, строго на-строго приказавъ ученикамъ во всемъ слушаться своихъ учителей. Обученіе русскихъ людей въ европейской школѣ принесло двоякіе результаты. Одною своею стороною оно несомнѣнно принесло намъ немалую пользу. Знакомство съ европейскимъ образованіемъ, говоря вообще, внесло въ наше сознаніе новое содержаніе, расширило нашъ умственный кругозоръ, дало богатый матеріалъ для сравненія, а сравнительная дѣятельность мысли есть, какъ извѣстно, одно изъ коренныхъ условій всякаго умственнаго развитія. Но, что всего важнѣе, обучаясь въ европейской школѣ, мы мало по-малу стали знакомиться съ методомъ положительныхъ наукъ, которыя по всей справедливости составляютъ славу и гордость западно-европейской образованности. Результаты такого обученія не замедлили сказаться: реформа произведена была въ началѣ XVIII ст.; въ половинѣ того же столѣтія, у насъ уже явился великій Ломоносовъ, а за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ лицъ, работавшихъ на всѣхъ поприщахъ государственно-общественной дѣятельности и прославившихъ царствованіе Екатерины II. Словомъ, съ нами въ данномъ случаѣ повторилось нѣчто аналогичное съ тѣмъ, что̀ въ свое время случилось съ греками подъ воздѣйствіемъ культуры Востока, съ римлянами—подъ вліяніемъ культуры греческой, и съ западно-европейскими народами—подъ воздѣйствіемъ классической образованности.

Но если вѣрно то, что ознакомленіе съ европейскою образованностью ускорило наше собственное развитіе, то несомнѣнно и то, что порожденное реформами Петра и поддержанное его неблестящими продолжателями неразборчивое подражаніе Европѣ сопровождалось такими явленіями, которыя, при меньшей даровитости русскаго человѣка, могли бы окончиться весьма печальными послѣдствіями. Объяснимся.

Между способностями человѣческаго духа, которыми обусловливается прогрессивное развитіе какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа, одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ способности къ самодѣятельности и неразлучно связанному съ нею дару иниціативы. Гдѣ нѣтъ этой способности, тамъ нѣтъ ни истиннаго творчества, ни истинно-прогрессивнаго движенія впередъ. Представимъ же себѣ теперь наше интеллигентное общество въ послѣреформенную эпоху. Съ силою неограниченной власти, подкрѣпленной желѣзною волею и высокимъ авторитетомъ генія, этому обществу указываютъ на западъ и безъ всякихъ оговорокъ заявляютъ, что все западное хорошо, а все свое, что несходно съ тамошнимъ, дурно. Принявъ къ свѣдѣнію эту пышную рекламу, русскій человѣкъ, уже нѣсколько знакомый съ западомъ, хотѣлъ было собственнымъ умомъ поразмыслить, дѣйствительно-ли все чужое ужъ такъ безусловно хорошо, а все свое безусловно дурно; но богатырскій толчекъ извнѣ мгновенно выводитъ его изъ этого раздумья, и онъ, стремглавъ, безъ оглядки, бросается туда, куда его толкнули. Что изъ этого вышло, всѣмъ извѣстно. Наша сатирическая литература, начиная съ Кантемира, не разъ рисовала картины того слѣпаго, безсмысленнаго, чисто рабскаго подражанія, какими отличалось русское общество XVIII в. и отъ котораго оно только въ позднѣйшее время начинаетъ по-немногу освобождаться. Но сущность зла заключалась не въ томъ только, что русскій человѣкъ сталъ рядиться въ иностранный костюмъ и перенимать чужіе обычаи (хотя и это во-

Послѣдняя, будучи въ извѣстной степени завершеніемъ предшествующихъ трудовъ по отечественной исторіи, въ свою очередь легла основаніемъ для будущихъ работъ по тому же предмету, которыя и не замедлили наступить. Духъ патріотизма, охватившій русскую землю въ эпоху отечественной войны, реакція, наступившая въ самомъ правительствѣ, выдвинувшемъ принципъ народности, выроставшее вмѣстѣ съ усиленіемъ образованія сознаніе высокой важности изученія своего историческаго прошлаго, всѣ эти и подобныя имъ причины произвели то, что русское общество съ особымъ интересомъ стало относиться къ своему историческому прошлому и выдвинуло цѣлый рядъ дѣятелей, трудившихся въ области исторіи, этнографіи, археологіи, языкознанія, широко раздвигая этимъ горизонтъ нашего народнаго самосознанія. Для насъ въ данномъ случаѣ особенно важно то, что такое направленіе нашихъ интеллектуальныхъ силъ нерѣдко сопровождалось особой тенденціей, служившей своего рода знаменемъ времени. Такъ, извѣстный археологъ Сахаровъ, который, по собственному сознанію, только „изъ исторіи Карамзина узналъ родину и научился любить русскую землю и уважать русскихъ людей", съ нервнымъ раздраженіемъ говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" о *наглецахъ, жалкихъ и презрѣнныхъ бродягахъ нѣмецкой породы* и считаетъ за счастье, что онъ *не преклонился ни предъ однимъ сапожникомъ французомъ и не принималъ отъ него наставленій, какъ презирать отца и мать, какъ ненавидѣть родину, какъ расточать достояніе отцовъ и дѣдовъ* [1]).—М. П. Погодинъ, еще будучи студентомъ, проэктировалъ составить общество для борьбы съ „челядью французскою". „Горе, горе намъ", восклицаетъ онъ, „если это продолжится долго"! Другъ и товарищъ Погодина, Кубаревъ, находилъ, что для Россіи нуженъ новый Петръ В., „который бы однимъ ударомъ искоренилъ это ги-

[1]) Пыпинъ. „Исторія Русск. этнографіи". С.-Петербургъ т. I, стр. 284.

бѣльное для Россіи пристрастіе (ко всему иноземному) и заставилъ бы любить отечественное. „Гроза, гроза великая, восклицаетъ онъ, можетъ только очистить нашъ моральный воздухъ“ [1])! Извѣстный критикъ Надеждинъ, самъ человѣкъ серьезно образованный и высоко цѣнившій европейское образованіе, въ своемъ литературномъ „Отчетѣ за 1831“ г. (Телескопъ), съ грустью отмѣчаетъ, что до того времени „наша словесность была—если можно такъ выразиться—*барщиной европейской*“ и что она до тѣхъ поръ не обновится и не освободится отъ „насильственныхъ наростовъ“, пока русскій духъ не обратится внутрь себя и не отыщетъ въ „*самомъ себѣ источника новой самобытной жизни*“ [2]).—Работая въ этомъ направленіи, наша мысль скоро дѣйствительно добралась до чистыхъ основъ своего духа и, когда образовавшіеся на немъ чужеземные наросты были счищены, русскій духъ, въ безсмертныхъ произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя, сталъ бить чистымъ, какъ алмазъ, ключемъ. Теперь нашему сознанію оставалось лишь осмыслить совершившійся фактъ и возвести его въ принципъ. Но прежде чѣмъ это совершилось, русскому передовому обществу предстояло перенести еще одно испытаніе, которое скоро и наступило.

Извѣстно, что когда кумиръ, воздвигнутый Европой въ лицѣ французскихъ энциклопедистовъ, былъ ниспровергнутъ вмѣстѣ съ французской революціей, открывшееся вакантное мѣсто не долго оставалось незамѣщеннымъ. Скоро, въ сознаніи всей мыслящей Европы, на вновь воздвигнутомъ пьедесталѣ, на мѣсто забытыхъ энциклопедистовъ, поставлена была нѣмецкая философія и Гегель смѣнилъ Вольтера. Русская передовая молодежь, привыкшая зорко слѣдить за всѣмъ, что̀ происходило у нашихъ западныхъ сосѣдей, конечно, не замедлила записаться въ число послѣдователей новаго культа. И вотъ, на-

[1]) Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“. С.-Петербургъ 1888 г. стр. 88.

[2]) Пыпинъ, Тамъ же, стр. 241.

чиная съ 30 годовъ, у насъ проявляется самое усердное стремленіе къ изученію новой нѣмецкой философіи, которое, наряду съ серьезными, весьма симпатичными, сторонами, представляло немало комичнаго. Въ воспоминаніяхъ современниковъ сохранились весьма любопытныя извѣстія объ отношеніи тогдашняго передоваго общества къ этому новому предмету увлеченія. Кто не знакомъ былъ съ нѣмецкой философіей, кто не могъ трактовать о Шеллингѣ и Гегелѣ, тотъ не признавался образованнымъ человѣкомъ, и не принимался въ кружокъ любителей философіи. Но такъ какъ непосредственное знакомство съ сочиненіями нѣмецкихъ философовъ не всѣмъ было доступно, хотя бы потому, что были люди, какъ, напр., Бѣлинскій, которые не знали нѣмецкаго языка, то обстоятельства выработали особый типъ спеціалистовъ, къ которымъ каждый могъ обращаться за философскою мудростью. Таковъ, напр., былъ извѣстный Бакунинъ. Рекламируя свою профессію, этотъ своеобразный поставщикъ философіи, куда ни являлся, вездѣ поднималъ рѣчь о философіи Гегеля, о которой не иначе говорилъ, какъ о всемірномъ откровеніи, сдѣланномъ человѣчествомъ, такъ сказать, на дняхъ, какъ о законѣ для человѣческой мысли, которую эта философія исчерпываетъ вполнѣ, безъ остатка и безъ возможности какой-нибудь поправки, дополненія или измѣненія [1]).—При тогдашнемъ состояніи цензуры печать мало была доступна для свободнаго обмѣна мысли по философскимъ вопросамъ, къ которымъ часто примѣшивались и вопросы чисто практическаго характера, а поэтому, волею не волей, приходилось ограничиваться устными бесѣдами въ частныхъ кружкахъ, гдѣ обыкновенно и происходили дебаты по разнымъ философскимъ вопросамъ. Въ описываемое время въ Москвѣ такихъ кружковъ было нѣсколько. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ

---

[1]) Анненковъ. „Воспоминанія“, С.-Петербургъ 1881 г. Отд. III, стр. 21.

кружокъ, собиравшійся въ извѣстномъ почтенномъ домѣ Елагиныхъ, гдѣ, наряду съ такими представителями позднѣйшаго славянофильства, какъ братья Кирѣевскіе, Хомяковъ, К. Аксаковъ и др., можно было встрѣтить ихъ позднѣйшихъ антагонистовъ: Качановскаго, Герцена и др. Вотъ въ этомъ то кружкѣ, около котораго группировался цвѣтъ тогдашней московской интеллигенціи, и обсуждались попреимуществу разнаго рода философскіе вопросы, вызывавшіе иногда очень бурные споры. Всѣ спорили, всѣ толковали; но пальма первенства въ диспутахъ принадлежала двумъ знаменитымъ борцамъ своего времени, позднѣе двумъ главнѣйшимъ представителямъ партій, на которыя распался кружокъ,—Герцену и Хомякову. П. В. Анненковъ, лично знавшій Герцена и не разъ присутствовавшій на его диспутахъ, сознается, что „этотъ необыкновенный умъ, переходившій съ неистощимымъ остроуміемъ, блескомъ и непонятной быстротой отъ предмета къ предмету, умѣвшій схватить и въ *складкѣ* чужой рѣчи, и въ простомъ случаѣ изъ текущей жизни, и въ любой отвлеченной идеѣ ту яркую черту, которая даетъ имъ физіономію и живое выраженіе“, при первомъ знакомствѣ „ошеломилъ и озадачилъ“ его. „Способность къ поминутнымъ, неожиданнымъ сближеніямъ разнородныхъ предметовъ, которая питалась, во первыхъ, тонкою наблюдательностью, а, во-вторыхъ, и весьма значительнымъ капиталомъ энциклопедическихъ свѣдѣній, была развита у Герцена въ необыкновенной степени, такъ развита, что подъ конецъ даже утомляла слушателя. Неугасающій фейерверкъ его рѣчи, неистощимость фантазіи и изобрѣтенія, какая-то безоглядная расточительность ума—приводили постоянно въ изумленіе его собесѣдниковъ“ [1]). Не смотря однакожъ на такія діалектическія способности, Герценъ, по его собственному сознанію, вступалъ въ диспутъ съ Хомяковымъ, котораго онъ называлъ *титаномъ діалектики,*

---

[1]) Тамъ же, стр, 78.

не безъ нѣкоторой робости. Вотъ относящаяся сюда любопытная замѣтка, которую встрѣчаемъ въ Дневникѣ Герцена подъ 21 декабря 1842 года. „Вчера, пишетъ Герценъ, былъ продолжительный споръ у меня съ Хомяковымъ о современной философіи. Удивительный даръ логической фастинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ, вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту arrière pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность! Я радъ былъ этому спору; я могъ нѣкоторымъ образомъ извѣдать силы свои; съ такимъ бойцомъ помѣриться стоитъ всякому ученію. Мы разошлись, каждый при своемъ, не уступивши іоты“ [1]). Главная сила Хомякова состояла въ замѣчательной цѣпкости его логики и въ необыкновенной эрудиціи. По сознанію самого Герцена, въ спорѣ о Гегелѣ, Хомяковъ не ограничивался общими замѣчаніями или окончательными выводами: нѣтъ, онъ шелъ въ самую глубь системы, въ самое ея сердце, въ развитіе логической идеи [2]). Герценъ, хорошо знакомый съ нѣмецкой литературой, въ спорахъ по философско-богословскимъ вопросамъ старался поразить Хомякова, какъ выражается Анненковъ, „точными нѣмецкими тезисами“. Хомяковъ, не хуже Герцена владѣвшій тѣми же тезисами, засыпалъ своего противника цитатами изъ церковной исторіи, твореній св. отцевъ и постановленій вселенскихъ соборовъ, и довелъ Герцена до того, что онъ самъ долженъ былъ заняться изученіемъ церковной исторіи и особенно каноновъ церкви [3]). Вотъ въ этихъ-то кружковыхъ собраніяхъ, среди бурныхъ споровъ, выдвинутъ былъ и съ жаромъ сталъ обсуждаться вопросъ о значеніи народности въ исторіи. Не трудно понять, что такое или иное направленіе въ рѣшеніи этого вопроса, при данныхъ условіяхъ, всецѣло зависѣло отъ отношенія спо-

---

[1]) „Сочиненія А. И. Герцена. Женева. 1875 г. т. I, стр. 64; ср. т. VII, стр. 297.

[2]) Тамъ же.

[3]) Анненковъ. Тамъ же, стр. 90.

ршившихъ сторонъ къ системѣ Гегеля. Кто вмѣстѣ съ Гегелемъ признавалъ, что исторія человѣчества есть не что иное, какъ постепенное проявленіе въ мірѣ всеобщей абсолютной идеи, долженъ былъ признавать и то, что все то, что не имѣетъ характера этой всеобщности, какъ частное и случайное, не только не должно приниматься въ разсчетъ въ дѣлѣ культурнаго развитія человѣчества, но, наоборотъ, какъ затемняющее идею всеобщаго, должно постепенно изглаживаться, стушевываться и, очищаясь и освобождаясь отъ своихъ характерныхъ особенностей, должно подыматься до всеобщаго и съ нимъ сливаться. А такимъ частнымъ и случайнымъ, противоположнымъ общечеловѣческому, и признавалось все народное, въ которомъ идея всеобщаго, такъ сказать, дробилась,—расчленяясь на части. Но такъ какъ, съ другой стороны, существованіе отдѣльныхъ народностей, съ ясно отмѣченными этнографическими особенностями, было фактомъ, съ которымъ нельзя было не считаться, то для устраненія возникавшаго противорѣчія выдвинуто было понятіе о чрезвычайной миссіи избранныхъ націй, въ которыхъ, какъ въ высшемъ возсоединяющемъ синтезѣ, всѣ частные народные элементы находятъ свое примиреніе съ идеей всеобщности. Такимъ избраннымъ народомъ въ данное время, конечно, объявленъ былъ народъ германскій. Отсюда понятнымъ становится презрительное отношеніе Гегеля, а за нимъ и всѣхъ его послѣдователей, къ славянамъ; отсюда же совершенно послѣдовательно вытекало и то положеніе, что только одинъ германецъ выработалъ изъ себя истиннаго человѣка, а всѣ другіе народы должны прежде сдѣлать изъ себя германца, чтобы поучиться у него быть человѣкомъ. Наши русскіе европейцы, преклоняясь предъ Гегелемъ, естественно должны были преклониться и предъ этими выводами. Отсюда понятнымъ становится воззрѣніе извѣстнаго Чаадаева, который въ нашемъ историческомъ прошломъ ничего другаго не находилъ, кромѣ *дикаго варварства, грубаго суевѣрія и позорнаго рабства*, для котораго наша обще-

ственная жизнь представлялась *темнымъ*, *безцвѣтнымъ*, *безъ силы и энергіи*, прозябаніемъ, который находилъ, что „въ самой крови нашей есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію", и все это отъ того, что мы „не принадлежали ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества" [1]). Другой нашъ западникъ, извѣстный В. П. Боткинъ, когда однажды Некрасовъ упрекнулъ его въ томъ, что онъ, не зная русскаго народа, называетъ его „эскимосами и готтентотами",

[1]) Телескопъ, 1836 г. Въ философскихъ письмахъ Чаадаева читатель поражается какимъ-то своеобразнымъ соединеніемъ широты философскаго міровоззрѣнія съ поразительнымъ невѣжествомъ и рѣзкою тенденціозностью въ пониманіи многихъ явленій не только въ русской, но и всеобщей исторіи. Если же внимательнѣе присмотрѣться къ дѣлу, то не трудно будетъ понять, подъ какимъ вліяніемъ могъ образоваться подобный сумбуръ представленій. Такихъ вліяній было два: тогдашняя нѣмецкая философія доставила, если можно такъ выразиться, общія рамки для міровоззрѣнія Чаадаева; слѣды этой философіи ясно проглядываютъ во многихъ его сужденіяхъ; но главная сумма содержанія, наполнившаго названныя рамки, носитъ на себѣ ясные слѣды римско-католическаго доктринерства самой низкой пробы. Прибавьте къ этому тотъ внутренній разладъ, который естественно долженъ былъ образоваться въ душѣ вслѣдствіе противорѣчія между теоретическими воззрѣніями и тою дѣйствительностью, среди которой долженъ былъ жить Чаадаевъ; примите во вниманіе его крупный, но въ то же время мало культивированный и лишенный историческаго чутья талантъ, и вы легко поймете, какимъ образомъ могло появиться на свѣтъ такое эксцентричное произведеніе, какимъ оказались письма Чаадаева. Говоря вообще, Чаадаевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ умственныхъ „недоносковъ", которыхъ въ тогдашнее время было немало у насъ. Будучи отъ природы людьми въ большинствѣ случаевъ очень даровитыми, но не получивъ въ свое время серьезнаго систематическаго образованія, они старались пополнить этотъ пробѣлъ чтеніемъ попадавшихся подъ руку книгъ и бесѣдами съ разнаго рода европейскими знаменитостями, пороги которыхъ они усердно обивали. Нахватавшись такимъ путемъ разныхъ идей, они спѣшили щегольнуть ими предъ своими соотечественниками и чѣмъ бѣднѣе и одностороннѣе было ихъ умственное содержаніе, тѣмъ въ болѣе рѣзкой и узкой формѣ высказывали они свои взгляды. Выдѣляясь изъ толпы своею несомнѣнною даровитостью, Чаадаевъ лишь тѣмъ отличается отъ другихъ представителей этого типа, что послѣднюю свою, если можно такъ выразиться, шлифовку получилъ не въ школѣ нѣмецкихъ философовъ или французскихъ политико-экономистовъ, а въ школѣ католическихъ паторовъ, духъ которой такъ несимпатично выступаетъ въ его письмахъ.

презрительно отвѣтилъ: „и знать не хочу звѣрообразную пародію на людей, и считаю для себя большимъ несчастьемъ, что родился въ такомъ государствѣ. Вѣдь вся Европа, любезнѣйшій, смотритъ на русскаго чуть ли не какъ на людоѣда! Ты, вѣдь, не путешествовалъ по Европѣ, а мы въ ней жили и не разъ испытывали стыдъ, что принадлежимъ къ дикой націи... Да, настаивалъ Боткинъ, я европеецъ, а не русскій дикарь“ [2]). Тутъ невольно вспоминается извѣстная курьезная гипотеза Ретціуса, который, распредѣляя на основаніи краніологическихъ данныхъ человѣческія племена на группы, нашелъ, что мы—Славяне, по культурной правоспособности, стоимъ не только ниже нѣмцевъ, но ниже даже Негровъ, Кафровъ, Готтентотовъ, Эскимосовъ и т. д. Но лучшей характеристикой русскихъ людей разсматриваемаго направленія служитъ поведеніе ихъ заграницей. Мѣткую характеристику этого поведенія находимъ у Герцена. „Нужно было видѣть, пишетъ онъ, почтеніе, благоговѣніе, низкопоклонство, изумленіе молодыхъ русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ!.. На другой же день, неприступные бояре, наглецы, грубіяны, совершали свое поклоненіе волхвовъ, ухаживали за всѣми знаменитостями,—все равно, какого рода и какого пола, начиная отъ Дезирабода, зубнаго врача, до Ма-па, пророка. Самые ничтожные лаццарони литературной Кьяйа, всякій фельетонный ветошникъ, всякій журнальный кропатель внушалъ имъ уваженіе, и они спѣшили предложить ему даже въ десять часовъ утра—редерера или вдовы Клико, и были счастли[вы] если онъ принималъ приглашеніе. Бѣдняги, они были жал[ки] въ своей маніи удивленія. Дома имъ было нечего уважа[ть] кромѣ грубой силы и ея внѣшнихъ знаковъ, чиновъ и [ор]новъ. Поэтому, молодой русскій, какъ только перехо[дилъ] границу, былъ поражаемъ острымъ идолопоклонствомъ.

---

[2]) Историч. Вѣстн. 1889 г. Сентябрь. „Воспомин. А. Я. Головач[евой]“ ... 198.

впадалъ въ экстазъ предъ всѣми людьми и всѣми вещами, предъ швейцарами, и философіей Гегеля, предъ картинами берлинскаго музея, предъ Штраусомъ—богословомъ и Штраусомъ—музыкантомъ. Шишка почтенія росла все больше и больше до самаго Парижа. Поиски за знаменитостями составляли муку нашихъ Анахарсисовъ; человѣкъ, говорившій съ Пьеромъ Леру или съ Бальзакомъ, съ Викторомъ Гюго или съ Евгеніемъ Сю, чувствовалъ, что онъ уже не равенъ себѣ равнымъ. Я зналъ одного профессора, который провелъ вечеръ у Жоржа-Занда; этотъ вечеръ, подобно нѣкоторому геологическому перевороту, раздѣлилъ его существованіе на двѣ части; это была кульминаціонная точка его жизни, неприкосновенный капиталъ ея воспоминаній, которымъ завершилась вся его прошлая жизнь и отъ котораго исходила настоящая"[1]). Одинъ степной помѣщикъ, у себя дома извѣстный лишь какъ отличный пѣвецъ цыганскихъ пѣсенъ, ловкій игрокъ и опытный охотникъ, познакомившись съ извѣстнымъ политико-экономистомъ Марксомъ, увѣрялъ его, что, предавшись душею и тѣломъ его лучезарной проповѣди и дѣлу экономическаго порядка въ Европѣ, онъ ѣдетъ обратно въ Россію съ намѣреніемъ продать все свое имѣніе и бросить себя и весь свой капиталъ въ жерло предстоящей революціи[2]). А эмигрантъ Бакунинъ, за свои неистовства въ Парижѣ предъ революціей 1848 года, получилъ въ насмѣшку кличку „старой Ж. Даркъ"[3]).

Но въ то время, какъ одна часть нашихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ послѣдователей гегельянства, презирая все свое, слѣпо набрасывалась на все иноземное, другая часть поспѣшила утилизировать систему Гегеля въ совершенно иномъ направленіи: это тѣ изъ нашихъ патріотовъ, которые, будучи возмущены господствомъ иноземщины у насъ, броси-

---

[1]) Н. Страховъ, „Борьба съ Западомъ". Кн. 1, изд. 2, стр. 60—61.

лись въ другую крайность и въ свою очередь, ненавидя все иноземное, стали превозносить все свое. Воспользовавшись идеею объ избранныхъ народностяхъ, наши патріоты перенесли ее цѣликомъ на Россію и стали развивать въ примѣненіи къ послѣдней съ тою же тенденціозностью, съ какою развивали ее и нѣмецкіе патріоты въ отношеніи къ своему фатерланду. Характеристику этого направленія встрѣчаемъ въ письмѣ Чаадаева къ знаменитому философу Шеллингу. Констатировавъ фактъ проникновенія къ намъ спекулятивной философіи, Чаадаевъ между прочимъ пишетъ: „но вы, вѣроятно не знаете того, что мы (русскіе) въ настоящую минуту находимся среди нѣкотораго рода умственнаго кризиза, который долженъ имѣть необыкновенное вліяніе на будущность нашей цивилизаціи, что мы охвачены національной реакціей, страстной, фанатической, ученой, которая естественно вытекаетъ изъ слишкомъ долгаго господства въ нашей жизни чужеземныхъ тенденцій, но которая, однакожъ, въ своей узкой исключительности стремится ни чуть не менѣе, какъ къ радикальной перестройкѣ идеи страны... И вотъ философія (гегельянская),... проникая къ намъ, сочетаясь съ ходячими у насъ идеями, угрожала намъ совершенно извратить наше національное чувство... Изумительная гибкость этой философіи, допускающей всевозможныя приложенія, создала у насъ самыя странныя мечты о нашей роли въ мірѣ, о нашихъ будущихъ судьбахъ. Ея фаталистическая логика... готова была превратить всю нашу исторію въ ретроспективную утопію, въ надменную апоѳеозу русскаго на[illegible] рода; ея система всеобщаго примиренія... повела насъ [illegible] мысли, что, предупреждая ходъ человѣчества, мы уже ос[illegible]ществили среди самихъ себя ея заносчивыя теоріи... Нуж[illegible] признаться, жаръ, съ которымъ у насъ на поверхности об[illegible]ства бьются, чтобы найти какую-то потерянную національ[illegible]ность, доходитъ до невѣроятной степени. Роются во вс[illegible] уголкахъ нашей исторіи, передѣлываютъ исторію всѣх[illegible] родовъ міра, приписываютъ имъ общее происхождені[illegible]

ственная жизнь представлялась *темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы и энергіи,* прозябаніемъ, который находилъ, что „въ самой крови нашей есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію", и все это отъ того, что мы „не принадлежали ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества"[1]). Другой нашъ западникъ, извѣстный В. П. Боткинъ, когда однажды Некрасовъ упрекнулъ его въ томъ, что онъ, не зная русскаго народа, называетъ его „эскимосами и готтентотами",

[1]) Телескопъ, 1836 г. Въ философскихъ письмахъ Чаадаева читатель поражается какимъ-то своеобразнымъ соединеніемъ широты философскаго міровоззрѣнія съ поразительнымъ невѣжествомъ и рѣзкою тенденціозностью въ пониманіи многихъ явленій не только въ русской, но и всеобщей исторіи. Если же внимательнѣе присмотрѣться къ дѣлу, то не трудно будетъ понять, подъ какимъ вліяніемъ могъ образоваться подобный сумбуръ представленій. Такихъ вліяній было два: тогдашняя нѣмецкая философія доставила, если можно такъ выразиться, общія рамки для міровоззрѣнія Чаадаева; слѣды этой философіи ясно проглядываютъ во многихъ его сужденіяхъ; но главная сумма содержанія, наполнившаго названныя рамки, носитъ на себѣ ясные слѣды римско-католическаго доктринерства самой низкой пробы. Прибавьте къ этому тотъ внутренній разладъ, который естественно долженъ былъ образоваться въ душѣ вслѣдствіе противорѣчія между теоретическими воззрѣніями и тою дѣйствительностью, среди которой долженъ былъ жить Чаадаевъ; примите во вниманіе его крупный, но въ то же время мало культивированный и лишенный историческаго чутья талантъ, и вы легко поймете, какимъ образомъ могло появиться на свѣтъ такое эксцентричное произведеніе, какимъ оказались письма Чаадаева. Говоря вообще, Чаадаевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ умственныхъ „недоносковъ", которыхъ въ тогдашнее время было немало у насъ. Будучи отъ природы людьми въ большинствѣ случаевъ очень даровитыми, но не получивъ въ свое время серьезнаго систематическаго образованія, они старались пополнить этотъ пробѣлъ чтеніемъ попадавшихся подъ руку книгъ и бесѣдами съ разнаго рода европейскими знаменитостями, пороги которыхъ они усердно обивали. Нахватавшись такимъ путемъ разныхъ идей, они спѣшили щегольнуть ими предъ своими соотечественниками и чѣмъ беднѣе и одностороннѣе было ихъ умственное содержаніе, тѣмъ въ болѣе рѣзкой и узкой формѣ высказывали они свои взгляды. Выдѣляясь изъ толпы своею несомнѣнною даровитостью, Чаадаевъ лишь тѣмъ отличается отъ другихъ представителей этого типа, что послѣднюю свою, если можно такъ выразиться, шлифовку получилъ не въ школѣ нѣмецкихъ философовъ или французскихъ политико-экономистовъ, а въ школѣ католическихъ натеровъ, духъ которой такъ несимпатично выступаетъ въ его письмахъ.

софію теперь стала проходить и вниманіе европейскаго общества устремилось на чисто практическіе, политическіе и соціально-экономическіе вопросы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и руководящая роль въ Европѣ опять перешла въ руки Французовъ. Наши русскіе европейцы, которымъ собственные домашніе интересы, въ виду собиравшейся надъ Европой новой грозы, казались слишкомъ пустыми и скучными, поспѣшили забросить Шеллинга и Гегеля на верхнія полки и набросились на Прудона, Фурье, Сенъ-Симона, Луи-Блана и др.

Въ свою очередь люди антиевропейскаго направленія мысли, утративъ опору въ системѣ Гегеля, не потеряли вѣры въ Россію; но эта вѣра, въ глазахъ нашихъ европейцевъ, съ мнѣніемъ которыхъ нельзя было не считаться, казалась теперь произвольною, ни на чемъ не основанною: въ глазахъ послѣднихъ Россія представлялась „стоячимъ болотомъ", темнымъ пятномъ, въ сравненіи съ которымъ Европа выступала лучезарною звѣздою. Объ этомъ и прежде у насъ много говорилось, но за провѣрку этихъ положеній до этого времени никто серьезно не принимался. Вотъ за эту то провѣрку и взялся теперь кружокъ лицъ, которыхъ принято называть славянофилами и во главѣ которыхъ стоялъ человѣкъ, никогда не преклонявшій своихъ колѣнъ предъ новымъ Вааломъ. Это былъ А. С. Хомяковъ. Современники, къ какимъ бы они партіямъ ни принадлежали, одинаково представляютъ Хомякова человѣкомъ геніальныхъ способностей. Мы видѣли, какъ характеризуетъ Хомякова Герценъ, принадлежавшій къ противоположному лагерю. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ его человѣкомъ „необыкновенно даровитымъ", обладавшимъ „страшной эрудиціей". Онъ сравниваетъ его съ богатыремъ „Ильей Муромцемъ", въ борьбѣ съ которымъ н въ состояніи была устоять никакая сила. „Боецъ безъ уста и отдыха, говоритъ Герценъ, онъ билъ и кололъ, напада и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя (было

словомъ, кого за убѣжденіе—убѣжденіе прочь, кого за логику—логика прочь“ [1]). Отъ другихъ членовъ кружка, каковы напр. Кирѣевскіе и К. Аксаковъ, онъ отличался своею неспособностью къ рѣзкимъ крайностямъ, къ страстнымъ увлеченіямъ; въ то время, какъ другіе выходили изъ себя, волновались, онъ хохоталъ и хохоталъ тѣмъ ѣдкимъ, чисто демоническимъ, смѣхомъ, котораго такъ не выносилъ Герценъ. Не смотря на свой несомнѣнный поэтическій талантъ, Хомяковъ былъ человѣкомъ холоднаго ума и сухой, неумолимой логики. Мы сказали, что онъ никогда „не преклонялъ своихъ колѣнъ предъ новымъ Вааломъ. Дѣйствительно, есть прямыя указанія на то, что Хомяковъ никогда не былъ поклонникомъ Гегеля: онъ сразу же встрѣтилъ его Логику сильной критикой и первый, если не въ Европѣ, то у насъ, и притомъ независимо отъ европейской критики, пробилъ брешь въ этой, казавшейся несокрушимой, твердынѣ [2]). Но въ то время, какъ другіе, съ паденіемъ Гегеля, поспѣшили ухватиться за Фейербаха и К°, Хомяковъ, сопровождаемый прочими членами своего кружка, между которыми ближайшимъ его спутникомъ былъ И. В. Кирѣевскій, не послѣдовалъ ихъ примѣру. „Кумиръ низверженный—не Богъ“, вѣщали наши критики на развалинахъ рухнувшаго германскаго великана. Но отъ чего же этотъ кумиръ не устоялъ? Отъ того, отвѣчали они, что корень ошибки философіи Гегеля лежалъ въ ошибкѣ цѣлой школы

---

[1]) Т. VII, стр. 297.

[2]) Указавъ въ первомъ своемъ письмѣ къ Самарину: „О современныхъ явленіяхъ въ области философій“ на коренной недостатокъ Логики Гегеля, Хомяковъ замѣчаетъ: „Вы знаете, что таково было мое возраженіе *при первомъ появленіи* у насъ Гегелевой логики, возраженіе *тогда новое*, теперь уже *принятое всѣми серьезными мыслителями Германіи*, чающими и не имѣющими уже философіи въ строгомъ смыслѣ слова“. (Сочиненія. Тамъ же, стр. 294). Это показаніе самого Хомякова подтверждается свидѣтельствомъ современниковъ, которые отношеніе Хомякова къ германской философіи представляютъ не иначе, какъ строго критическимъ. Свидѣтельство Герцена приведено раньше.

германскаго идеализма, и именно—въ ея раціонализмѣ, признававшемъ разсудокъ, т. е. лишь одну сторону человѣческаго духа, за цѣльность духа. Но отъ чего же произошла ошибка цѣлой школы? Ища отвѣта на этотъ вопросъ, славянофилы находили, что такой грандіозный фактъ, какимъ безспорно была основанная Кантомъ школа, не могъ быть явленіемъ случайнымъ, одинокимъ, что корней этого явленія слѣдуетъ искать глубже, въ нѣдрахъ породившей его исторіи. Разысканія, произведенныя въ этомъ направленіи, дѣйствительно открыли, что раціонализмъ философскій на западѣ въ сущности былъ лишь младшимъ братомъ раціонализма религіознаго, который въ протестантствѣ со всею силою выступилъ въ произволѣ личности. Но произволъ личности въ протестантствѣ въ свою очередь былъ лишь послѣдовательнымъ развитіемъ произвола католическаго, выразившагося въ папствѣ и т. д. и т. д. Всѣ эти разысканія, къ концу концовъ, привели къ тому выводу, что на Западѣ, не смотря на весь блескъ его цивилизаціи, не только законы мысли, но и законы самой жизни ложны, вслѣдствіе односторонности своихъ началъ. Вѣренъ-ли этотъ окончательный выводъ или нѣтъ, это другой вопросъ; но несомнѣнно то, что наступившій съ паденіемъ нѣмецкой философіи въ Европѣ сумбуръ философскихъ понятій, господство грубаго матеріализма, отсутствіе достойныхъ человѣка, какъ разумнаго существа, возвышенныхъ идеаловъ и торжество въ жизни пессимизма,—все это давало слишкомъ мало основанія для того, чтобы усумниться въ вѣрности сдѣланнаго вывода. Какъ бы то ни было, но послѣ произведенной критики началъ европейской жизни связывать судьбу сравнительно юнаго, еще не испытавшаго вполнѣ своихъ силъ, русскаго народа съ судьбою З. Европы, казалось дѣломъ болѣе чѣмъ рискованнымъ. Необходимость развитія, основаннаго на новыхъ началахъ, становилась очевидною. Но гдѣ же было искать этихъ началъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не замедлилъ явиться. Сущность его Хомяковъ пре-

красно выразилъ въ слѣдующемъ, обращенномъ къ Россіи, четырехстишіи:

О, вспомни свой удѣлъ высокій,
Былое въ сердце воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!

Вотъ къ этому то духу жизни, глубоко сокрытому въ нѣдрахъ былаго, и обратились теперь славянофилы съ допросомъ о началахъ, на которыхъ должна быть построена русская цивилизація. Этотъ поворотъ, сдѣланный въ концѣ 30 и въ началѣ 40 годовъ частію членовъ Елагинскаго кружка, былъ причиною рѣзкаго и безповоротнаго распаденія его на два лагеря, каждаго съ своимъ опредѣленнымъ знаменемъ. Чтобы понять всю глубину смысла этого обстоятельства, достаточно вспомнить слѣдующій фактъ. Однажды ночью, когда Грановскій уже находился въ постели, къ нему пріѣхалъ К. Аксаковъ, разбудилъ его, бросился къ нему на шею и, крѣпко сжимая въ своихъ объятіяхъ, объявилъ, что пріѣхалъ къ нему исполнить одну изъ горестныхъ и тяжелыхъ обязанностей своихъ—разорвать съ нимъ связи и въ послѣдній разъ проститься съ нимъ, какъ съ потеряннымъ другомъ, не смотря на глубокое уваженіе и любовь, какія онъ питаетъ къ его характеру и личности. Напрасно Грановскій убѣждалъ его смотрѣть хладнокровнѣе на ихъ разномыслія, напрасно говорилъ, что кромѣ идей славянства и народности между ними есть еще другія связи и нравственныя убѣжденія, которыя не подвержены опасности разрыва,—Аксаковъ остался непреклоненъ и уѣхалъ отъ него сильно взволнованный и въ слезахъ [1]). Такой же трогательной сценой сопровождалось прощанье Аксакова и съ Герценомъ, о которомъ самъ Герценъ разсказываетъ слѣдующее. „Въ 1844 году, когда наши (т. е. сла-

[1]) Анненковъ. Тамъ же, стр. 86.

софію теперь стала проходить и вниманіе европейскаго общества устремилось на чисто практическіе, политическіе и соціально-экономическіе вопросы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и руководящая роль въ Европѣ опять перешла въ руки Французовъ. Наши русскіе европейцы, которымъ собственные домашніе интересы, въ виду собиравшейся надъ Европой новой грозы, казались слишкомъ пустыми и скучными, поспѣшили забросить Шеллинга и Гегеля на верхнія полки и набросились на Прудона, Фурье, Сенъ-Симона, Луи-Блана и др.

Въ свою очередь люди антиевропейскаго направленія мысли, утративъ опору въ системѣ Гегеля, не потеряли вѣры въ Россію; но эта вѣра, въ глазахъ нашихъ европейцевъ, съ мнѣніемъ которыхъ нельзя было не считаться, казалась теперь произвольною, ни на чемъ не основанною: въ глазахъ послѣднихъ Россія представлялась „стоячимъ болотомъ", темнымъ пятномъ, въ сравненіи съ которымъ Европа выступала лучезарною звѣздою. Объ этомъ и прежде у насъ много говорилось, но за провѣрку этихъ положеній до этого времени никто серьезно не принимался. Вотъ за эту то провѣрку и взялся теперь кружокъ лицъ, которыхъ принято называть славянофилами и во главѣ которыхъ стоялъ человѣкъ, никогда не преклонявшій своихъ колѣнъ предъ новымъ Вааломъ. Это былъ А. С. Хомяковъ. Современники, къ какимъ бы они партіямъ ни принадлежали, одинаково представляютъ Хомякова человѣкомъ геніальныхъ способностей. Мы видѣли, какъ характеризуетъ Хомякова Герценъ, принадлежавшій къ противоположному лагерю. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ его человѣкомъ „необыкновенно даровитымъ", обладавшимъ „страшной эрудиціей". Онъ сравниваетъ его съ богатыремъ „Ильей Муромцемъ", въ борьбѣ съ которымъ не въ состояніи была устоять никакая сила. „Боецъ безъ устали и отдыха, говоритъ Герценъ, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя (было),

умѣть смыслъ этого явленія, необходимо внимательнѣе присмотрѣться къ общему положенію и взаимному отношенію партій въ этой непримиримой борьбѣ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что положеніе сторонъ въ разсматриваемомъ спорѣ было существенно различное. Западники, опираясь на существующій готовый фактъ вѣковаго господства у насъ европеизма, находили возможнымъ ограничиваться изслѣдованіемъ текущихъ вопросовъ, критикой и разработкой современныхъ явленій, не считая себя обязанными представить сколько-нибудь цѣльную политическую теорему или составить что-нибудь похожее на идеалъ гражданскаго существованія [1]). Продолжая слѣдовать на буксирѣ за Европой, сомнѣваясь въ томъ, чтобы русскій человѣкъ могъ придумать что-нибудь оригинальное, признавая ненужнымъ для него заботиться о выработкѣ самобытно-оригинальнаго строя жизни, западники умничали сегодня, положимъ, на счетъ Шеллинга, завтра—на счетъ Гегеля, потомъ—на счетъ Фейербаха и т. д. Многіе изъ нихъ перемѣняли свои убѣжденія чуть-ли не съ каждой новой книжкой, привозимой изъ Берлина или Парижа. Извѣстно, напр., какія метаморфозы происходили въ этомъ отношеніи съ Бѣлинскимъ; а вѣдь Бѣлинскій былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся лицъ въ своей партіи. Другое положеніе было славянофиловъ. Они въ извѣстномъ смыслѣ были новаторами; они ниспровергали убѣжденіе, вѣра въ которое укоренялась въ теченіе цѣлаго столѣтія; а потому отъ нихъ категорически потребовали указать тѣ народныя начала, во имя которыхъ они проповѣдывали. Не трудно доказать незаконность такого требованія. Начало народности, какъ и всякое вообще жизненное начало, не есть какая-нибудь грубая реальность, на которую можно было бы указать пальцемъ; это есть та неуловимая, въ на-

[1]) Анненковъ. Тамъ же, стр. 147.

германскаго идеализма, и именно—въ ея раціонализмѣ, признававшемъ разсудокъ, т. е. лишь одну сторону человѣческаго духа, за цѣльность духа. Но отъ чего же произошла ошибка цѣлой школы? Ища отвѣта на этотъ вопросъ, славянофилы находили, что такой грандіозный фактъ, какимъ безспорно была основанная Кантомъ школа, не могъ быть явленіемъ случайнымъ, одинокимъ, что корней этого явленія слѣдуетъ искать глубже, въ нѣдрахъ породившей его исторіи. Разысканія, произведнныя въ этомъ направленіи, дѣйствительно открыли, что раціонализмъ философскій на западѣ въ сущности былъ лишь младшимъ братомъ раціонализма религіознаго, который въ протестантствѣ со всею силою выступилъ въ произволѣ личности. Но произволъ личности въ протестантствѣ въ свою очередь былъ лишь послѣдовательнымъ развитіемъ произвола католическаго, выразившагося въ папствѣ и т. д. и т. д. Всѣ эти разысканія, къ концу концовъ, привели къ тому выводу, что на Западѣ, не смотря на весь блескъ его цивилизаціи, не только законы мысли, но и законы самой жизни ложны, вслѣдствіе односторонности своихъ началъ. Вѣренъ-ли этотъ окончательный выводъ или нѣтъ, это другой вопросъ; но несомнѣнно то, что наступившій съ паденіемъ нѣмецкой философіи въ Европѣ сумбуръ философскихъ понятій, господство грубаго матеріализма, отсутствіе достойныхъ человѣка, какъ разумнаго существа, возвышенныхъ идеаловъ и торжество въ жизни пессимизма,—все это давало слишкомъ мало основанія для того, чтобы усумниться въ вѣрности сдѣланнаго вывода. Какъ бы то ни было, но послѣ произведенной критики началъ европейской жизни связывать судьбу сравнительно юнаго, еще не испытавшаго вполнѣ своихъ силъ, русскаго народа съ судьбою З. Европы, казалось дѣломъ болѣе чѣмъ рискованнымъ. Необходимость развитія, основаннаго на новыхъ началахъ, становилась очевидною. Но гдѣ же было искать этихъ началъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не замедлилъ явиться. Сущность его Хомяковъ пре-

ленie „грубой матерiальной силы“, которой наши предки повиновались будто бы только „изъ невѣжества и выгодъ“[1]); для нихъ и наша община, въ которой не одни славянофилы восторгались высотою нравственной основы, казалась грубымъ остаткомъ первобытной старины, печальнымъ анахронизмомъ и т. д. Славянофилы не могли не понимать, что причина такихъ взглядовъ заключается не въ одномъ только предубѣжденiи и невѣжествѣ западниковъ, а что самая наша исторiя давала основанiя для подобныхъ сужденiй. Вотъ почему болѣе осторожные и сдержанные изъ славянофиловъ, какъ напр., Хомяковъ, старались уяснить различiе между самымъ началомъ и внѣшней формой его проявленiя, которая, какъ и все историческое, имѣетъ лишь временное, преходящее значенiе, и можетъ измѣняться и совершенствоваться до безконечности, такъ какъ идеалы никогда не воплощаются въ жизни во всей своей полнотѣ. Но другiе проповѣдники славянофильства поступили иначе: они стали очищать выдвинутыя ими начала отъ ихъ грубыхъ историческихъ формъ и въ этомъ уже очищенномъ, идеализированномъ видѣ, стали выдавать за дѣйствительный историческiй фактъ; другими словами, они стали идеализировать нашу до-Петровскую Русь, отыскивая въ ней совершенства, которыхъ тамъ въ дѣйствительности не было. Понятно, что западники съ злорадствомъ ухватились за этотъ промахъ своихъ противниковъ и торжественно заявили, что „славянобѣснующiеся не знаютъ исторiи“[2]), хотя незнанiе однихъ въ данномъ случаѣ не шло дальше невѣжества другихъ. Но этого мало. Смѣшенiе добытыхъ путемъ критики ума и выдававшихся за идеалъ для будущаго понятiй съ исторической дѣйствительностью подало поводъ западникамъ утверждать, что славянофилы якобы хотятъ возвратить старыя отжившiя формы жизни, хотя для всякаго непосредственно

[1]) Тамъ же, стр. 119—120.
[2]) Тамъ же, стр. 113.

чалѣ всегда нѣмая сила, содержаніе которой, при свободномъ развитіи, постепенно раскрывается въ теченіи всего историческаго роста народнаго организма, окрашивая собою весь строй народной жизни, и поэтому точно опредѣлить содержаніе искомаго начала въ данномъ случаѣ было очень трудно, такъ какъ это значило бы почти тоже, что написать исторію культуры народа прежде, чѣмъ эта исторія совершилась въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, уступая требованію обстоятельствъ, славянофилы задались цѣлью разыскать то, чего отъ нихъ требовали. Устремивъ свое вниманіе въ исторію, они нашли тамъ три крупныхъ явленія, которыми характеризовалось наше историческое прошлое: въ области политической жизни—*самодержавіе* верховной власти, добровольно, безъ формальныхъ гарантій, предоставляющей землѣ свободу мнѣнія; въ области религіи—*православіе*, покоющееся на началѣ соборности; въ области соціально-экономической—*община*, созданная на хоровомъ началѣ, при которомъ свобода личности находится въ гармоніи съ общностью интересовъ. Харатеристическую особенность всѣхъ этихъ явленій составляетъ то, что въ нихъ *нравственный* элементъ всегда преобладаетъ надъ *формально-юридическимъ*. Вотъ въ этихъ то трехъ явленіяхъ нашего историческаго прошлаго славянофилы и увидѣли коренныя начала нашей жизни. Понятно, какъ къ такому выводу должны были отнестись западники. Люди, для которыхъ русскій народъ представлялся „звѣроподобною пародіей на людей", которые въ нашемъ историческомъ прошломъ видѣли лишь „дикое варварство", „пустоту и безпорядокъ" [1]), для которыхъ наша до-Петровская исторія казалась многовѣковымъ „стоячимъ болотомъ" [2]),—этого рода люди и въ нашемъ „стоячемъ православіи" [3]), какъ они выражались, видѣли лишь „мертвую форму" [4]) и въ нашемъ самодержавіи находили лишь прояв-

[1]) Герценъ, Сочиненія. Т. I, стр. 35.
[2]) Тамъ же, стр. 142.
[3]) Тамъ же, стр. 113.
[4]) Тамъ же, стр. 14°

леніе „грубой матеріальной силы“, которой наши предки повинovались будто бы только „изъ невѣжества и выгодъ“[1]); для нихъ и наша община, въ которой не одни славянофилы восторгались высотою нравственной основы, казалась грубымъ остаткомъ первобытной старины, печальнымъ анахронизмомъ и т. д. Славянофилы не могли не понимать, что причина такихъ взглядовъ заключается не въ одномъ только предубѣжденіи и невѣжествѣ западниковъ, а что самая наша исторія давала основанія для подобныхъ сужденій. Вотъ почему болѣе осторожные и сдержанные изъ славянофиловъ, какъ напр., Хомяковъ, старались уяснить различіе между самымъ началомъ и внѣшней формой его проявленія, которая, какъ и все историческое, имѣетъ лишь временное, преходящее значеніе, и можетъ измѣняться и совершенствоваться до безконечности, такъ какъ идеалы никогда не воплощаются въ жизни во всей своей полнотѣ. Но другіе проповѣдники славянофильства поступили иначе: они стали очищать выдвинутыя ими начала отъ ихъ грубыхъ историческихъ формъ и въ этомъ уже очищенномъ, идеализированномъ видѣ, стали выдавать за дѣйствительный историческій фактъ; другими словами, они стали идеализировать нашу до-Петровскую Русь, отыскивая въ ней совершенства, которыхъ тамъ въ дѣйствительности не было. Понятно, что западники съ злорадствомъ ухватились за этотъ промахъ своихъ противниковъ и торжественно заявили, что „славянобѣсующіеся не знаютъ исторіи“[2]), хотя незнаніе однихъ въ данномъ случаѣ не шло дальше невѣжества другихъ. Но этого мало. Смѣшеніе добытыхъ путемъ критики ума и выдававшихся за идеалъ для будущаго понятій съ исторической дѣйствительностью подало поводъ западникамъ утверждать, что славянофилы якобы хотятъ возвратить старыя отжившія формы жизни, хотя для всякаго непосредственно

[1]) Тамъ же, стр. 119—120.

[2]) Тамъ же, стр. 113.

чалѣ всегда нѣмая сила, содержаніе которой, при свободномъ развитіи, постепенно раскрывается въ теченіи всего историческаго роста народнаго организма, окрашивая собою весь строй народной жизни, и поэтому точно опредѣлить содержаніе искомаго начала въ данномъ случаѣ было очень трудно, такъ какъ это значило бы почти тоже, что написать исторію культуры народа прежде, чѣмъ эта исторія совершилась въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, уступая требованію обстоятельствъ, славянофилы задались цѣлью разыскать то, чего отъ нихъ требовали. Устремивъ свое вниманіе въ исторію, они нашли тамъ три крупныхъ явленія, которыми характеризовалось наше историческое прошлое: въ области политической жизни—*самодержавіе* верховной власти, добровольно, безъ формальныхъ гарантій, предоставляющей землѣ свободу мнѣнія; въ области религіи—*православіе*, покоющееся на началѣ соборности; въ области соціально-экономической—*община*, созданная на хоровомъ началѣ, при которомъ свобода личности находится въ гармоніи съ общностью интересовъ. Харатеристическую особенность всѣхъ этихъ явленій составляетъ то, что въ нихъ *нравственный* элементъ всегда преобладаетъ надъ *формально-юридическимъ*. Вотъ въ этихъ то трехъ явленіяхъ нашего историческаго прошлаго славянофилы и увидѣли коренныя начала нашей жизни. Понятно, какъ къ такому выводу должны были отнестись западники. Люди, для которыхъ русскій народъ представлялся „звѣроподобною пародіей на людей“, которые въ нашемъ историческомъ прошломъ видѣли лишь „дикое варварство“, „пустоту и безпорядокъ“ [1]), для которыхъ наша до-Петровская исторія казалась многовѣковымъ „стоячимъ болотомъ“ [2]),—этого рода люди и въ нашемъ „стоячемъ православіи“ [3]), какъ они выражались, видѣли лишь „мертвую форму“ [4]) и въ нашемъ самодержавіи находили лишь прояв-

[1]) Герценъ, Сочиненія. Т. I, стр. 35.
[2]) Тамъ же, стр. 142.
[3]) Тамъ же, стр. 113.
[4]) Тамъ же, стр. 148.

заявляли, что они признають право свободнаго развитія за всѣми народностями въ человѣческомъ мірѣ, напрасно они утверждали, что только самобытное развитіе всѣхъ народовъ земнаго шара даетъ дѣйствительность и энергію общему труду человѣчества (К. Аксаковъ, Хомяковъ, Данилевскій); но за то, что они вѣрили въ силы русскаго народа и въ его великую будущность, ихъ воззрѣнія самымъ безцеремоннымъ образомъ смѣшивали съ воззрѣніями патріотовъ—гегельянцевъ и фальшиво навязывали имъ мысль, что будто бы эти умные люди требуютъ порабощенія славянству всѣхъ остальныхъ народовъ земнаго шара. Мысль поистинѣ дикая, но она тѣмъ не менѣе повторяется и по настоящее время. И въ настоящее время есть еще люди,—и притомъ не только между западниками, но и между лицами, старающимися пропагандировать славянофильскія идеи,—такъ есть, говоримъ, люди, которые источникъ зарожденія славянофильства видятъ въ гегелизмѣ и которые никакъ не могутъ понять, что между проповѣдью нѣмецкихъ патріотовъ объ избранныхъ націяхъ и вѣрою славянофиловъ въ великое будущее русскаго народа есть коренное различіе, такъ какъ тѣ и другіе исходятъ въ сужденіи по данному вопросу изъ существенно различныхъ точекъ зрѣнія. Вотъ, напр., сужденіе по этому вопросу Хомякова, котораго никогда не должно выпускать изъ виду, когда рѣчь заходитъ о вѣрномъ пониманіи ученія славянофильской школы. Назвавъ стремленіе древней Руси къ объединенію „высшимъ“, Хомяковъ продолжаетъ: „и я его такъ назвалъ не потому только, что внѣшнее спокойствіе есть великое дѣло и условіе благоденствія; и не потому, что мнѣ, какъ русскому, весело взглянуть на вещественное величіе моей родины и подумать, что другіе народы могутъ ея бояться и ей завидовать: нѣтъ. Я это говорю потому, что великая держава болѣе другихъ представляетъ душѣ осуществленіе той высокой и доселѣ недосягаемой цѣли мира и благоволенія между людьми, къ которой мы призваны; потому что душевный союзъ съ

очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь не о формахъ, а о принципахъ. Ратуя, далѣе, за самобытность въ культурѣ, славянофилы требовали для русскаго народа такого же права на свободное постепенно-органическое развитіе, какимъ пользовались и западно-европейскіе народы, которые не стали же пересаживать на свою почву готовыхъ бытовыхъ формъ классическихъ народовъ, а постепенно выработали ихъ сами для себя. Выходя изъ такого положенія, они не могли не протестовать противъ того европейничанья, которое, слѣпо подражая всему чужому, попирало все свое, домашнее, и въ этомъ отношеніи они отчасти сходились съ тогдашней оффиціальной Россіей, отъ которой однакожъ существенно отличались. Напуганное событіями 14 декабря, въ виду происходившихъ въ Европѣ все новыхъ и новыхъ волненій, тогдашнее чиновничество ударилось въ ультра-консерватизмъ и стало огуломъ преслѣдовать все, что носило на себѣ хотя тѣнь европейскаго либерализма. И вотъ, не смотря на то, что славянофилы и словомъ и дѣломъ заявляли свое сочувствіе европейскому просвѣщенію, не смотря на то, что они стояли на челѣ нашихъ гуманистовъ, требовавшихъ реформъ, осуществившихся въ царствованіе Александра Освободителя, не смотря на свое громогласное требованіе свободы слова, не смотря, наконецъ, на то, что они нерѣдко впадали въ немилость у оффиціальныхъ блюстителей порядка,—не смотря, говоримъ, на все это, ихъ консерватизмъ самымъ нелѣпымъ образомъ смѣшивали съ оффиціально-бюрократическимъ консерватизмомъ, и обличали ихъ въ обскурантизмѣ, враждѣ къ просвѣщенію, къ свободѣ слова [1]), называли ихъ людьми „дикими“ [2]), ихъ направленіе „безумнымъ“ [3]), ихъ школу „вредной до чрезвычайности“ [4]) и т. д. и т. д. Напрасно, далѣе, славянофилы торжественно

---

[1]) Тамъ же, стр. 52–53.
[2]) Тамъ же, стр. 159.
[3]) Тамъ же, стр. 55.
[4]) Тамъ же, стр. 27.

заявляли, что они признаютъ право свободнаго развитія за всѣми народностями въ человѣческомъ мірѣ, напрасно они утверждали, что только самобытное развитіе всѣхъ народовъ земнаго шара даетъ дѣйствительность и энергію общему труду человѣчества (К. Аксаковъ, Хомяковъ, Данилевскій); но за то, что они вѣрили въ силы русскаго народа и въ его великую будущность, ихъ воззрѣнія самымъ безцеремоннымъ образомъ смѣшивали съ воззрѣніями патріотовъ—гегельянцевъ и фальшиво навязывали имъ мысль, что будто бы эти умные люди требуютъ порабощенія славянству всѣхъ остальныхъ народовъ земнаго шара. Мысль поистинѣ дикая, но она тѣмъ не менѣе повторяется и по настоящее время. И въ настоящее время есть еще люди,—и притомъ не только между западниками, но и между лицами, старающимися пропагандировать славянофильскія идеи,—такъ есть, говоримъ, люди, которые источникъ зарожденія славянофильства видятъ въ гегелизмѣ и которые никакъ не могутъ понять, что между проповѣдью нѣмецкихъ патріотовъ объ избранныхъ націяхъ и вѣрою славянофиловъ въ великое будущее русскаго народа есть коренное различіе, такъ какъ тѣ и другіе исходятъ въ сужденіи по данному вопросу изъ существенно различныхъ точекъ зрѣнія. Вотъ, напр., сужденіе по этому вопросу Хомякова, котораго никогда не должно выпускать изъ виду, когда рѣчь заходитъ о вѣрномъ пониманіи ученія славянофильской школы. Назвавъ стремленіе древней Руси къ объединенію „высшимъ", Хомяковъ продолжаетъ: „и я его такъ назвалъ не потому только, что внѣшнее спокойствіе есть великое дѣло и условіе благоденствія; и не потому, что мнѣ, какъ русскому, весело взглянуть на вещественное величіе моей родины и подумать, что другіе народы могутъ ея бояться и ей завидовать: нѣтъ. Я это говорю потому, что великая держава болѣе другихъ представляетъ душѣ осуществленіе той высокой и доселѣ недосягаемой цѣли мира и благоволенія между людьми, къ которой мы призваны; потому что душевный союзъ съ

милліонами, когда онъ осуществленъ, выше поднимаетъ ду[illegible]
человѣка, чѣмъ связь, даже самая близкая, съ немноги[illegible]
тысячами; потому, что видимая и безпрестанная вражда всег[illegible]
рыщетъ около тѣсныхъ границъ мелкаго общества и что уд[illegible]
леніе ея облагороживаетъ и умитворяетъ сердце; и потом[illegible]
наконецъ, что по тайному (но, можетъ быть, понятному) со[illegible]
чувствію между духомъ человѣка и объемомъ общества са[illegible]
мое величіе ума и мысли принадлежитъ только великимъ на[illegible]
родамъ“ [1]). Итакъ, свою вѣру въ великое будущее русскаго
народа славянофилы основывали не на нѣмецкой метафизикѣ,
а на реальныхъ фактахъ дѣйствительной жизни, на томъ, для
каждаго понятномъ, соображеніи, что большое государство пред[illegible]
ставляетъ больше благопріятныхъ условій для широкаго и все[illegible]
сторонняго развитія человѣка, чѣмъ государство малое. Мысль
эта настолько естественна, что ее не разъ высказывали русскіе
люди, не принадлежавшіе къ славянофильской школѣ. Извѣст[illegible]
ный Надеждинъ еще въ 1831 году созерцалъ чрезъ сво[illegible]й
„Телескопъ“ слѣдующее. „Стоитъ только взглянуть на карт[illegible]у
земнаго шара, чтобы исполниться святаго благоговѣнія къ судь-
бамъ, ожидающимъ Россію. Неужели этотъ колоссъ воздвиг[illegible]
нутъ напрасно мудрою міродержавною десницею?... Нѣтъ!
Онъ долженъ имѣть великое всемірное назначеніе... Тучи
бродятъ надъ Европою; но на чистомъ небѣ русскомъ заго[illegible]
раются тамъ и здѣсь мирныя звѣзды, утѣшительныя вѣстницы
утра. Всегда ли должно будетъ ихъ разглядывать въ теле-
скопъ?.. Придетъ время, когда онѣ сольются въ яркую пу-
чину свѣта“ [2])!.. Но вѣра славянофиловъ въ великое будущее
русскаго народа не ослѣпляла однакожъ ихъ сознанія и ни-
сколько не мѣшала имъ воздавать должное другимъ народамъ.
Тотъ же Хомяковъ, обличая З. Европу въ односторонности
ея началъ, доказывая, что „самъ Западъ произнесъ приго-

[1]) Сочиненія Хомякова. Т. I, стр. 227.

[2]) Пыпинъ. Истор. Русск. этнограф. Т. I, стр. 238.

воръ свой въ послѣднихъ выводахъ философскаго мышленія" высказывая „глубокое чувство душевной радости" по поводу того, что мы, русскіе, „не принадлежимъ по древнимъ своимъ духовнымъ началамъ этому самоосужденному міру", въ тоже время отдаетъ „*вполнѣ справедливую дань удивленія его великимъ явленіямъ историческимъ, и художественнымъ, и научнымъ*, будь это Гильдебрандъ и Готфридъ, или Лютеръ и Густавъ Адольфъ, или творецъ Сикстинской Мадонны, или строитель Кельнскаго собора, или Кантъ или Гегель, довершители разсудочной философіи,... всѣ они орудія Высшаго Промысла и отчасти невольныя жертвы историческаго развитія *могутъ за свои великіе подвиги слышать отъ насъ слово правдиваго уваженія, непомраченнаго ни осужденіемъ, ни упрекомъ*" [1]). Эта широта взгляда служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что большая часть обвиненій, сыпавшихся на голову славянофиловъ, происходила отъ того, что враги славянофильства не хотѣли или не могли подняться на высоту славянофильскаго пониманія вещей, на ту высоту, на которой всякая узкая односторонность исчезаетъ и всякая вещь получаетъ свое мѣсто. Здѣсь лежитъ причина того, почему ошибки славянофиловъ,—которыхъ никто не скрываетъ,—всегда утрировались и представлялись въ гиперболическомъ объемѣ. Въ этомъ отношеніи особенно много грѣха взялъ на свою душу Бѣлинскій, который, не смотря на свой громадный талантъ, не смотря на высокое благородство своей души, весьма мало способенъ былъ къ холодному, спокойному, безпристрастному отношенію къ своимъ противникамъ; его страстные, порывистые нападки нерѣдко носили на себѣ слѣды пристрастія, односторонности, отсутствія объективизма.

Изъ сказаннаго ясно, что первые слѣды славянофильскаго ученія падали на каменистую почву, представлявшую слишкомъ мало условій для ихъ успѣшнаго развитія. Славяно-

---

[1]) Сочиненія. Т. I, стр. 211—212.

филовъ на первыхъ порахъ одинаково не понимали какъ ихъ союзники, патріоты-гегельянцы, неспособные стать выше односторонне понятаго патріотизма, такъ и ихъ открытые враги—западники, которые, не смотря на сравнительную широту своихъ воззрѣній, долго не въ состояніи были понять (а многіе и теперь не понимаютъ), что *обще-европейское просвѣщеніе не исключаетъ возможности строго національной культуры.* Тѣмъ не менѣе ихъ проповѣдь не осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что такіе столпы западнической партіи, какъ Грановскій, Герценъ, Бѣлинскій, впослѣдствіи должны были сознаться, что во взглядѣ на народность, составлявшемъ коренной пунктъ въ ученіи славянофиловъ, они примыкаютъ къ воззрѣнію послѣднихъ [1]). А Герценъ, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ на Западъ, вдругъ какъ бы прозрѣлъ и, поставивъ крестъ надъ З. Европой, не хуже любого славянофила заговорилъ „о той внутренней, не вполнѣ сознанной силѣ, которая столь чудесно сохранила русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и *нѣмецкой* бюрократіи, подъ восточнымъ татарскимъ кнутомъ и подъ *западными* капральскими палками,—о внутренней силѣ, которая сохранила прекрасныя и открытыя черты и живой умъ нашего крестьянина подъ унизительнымъ гнетомъ крѣпостнаго состоянія,—которая на царскій призывъ образоваться отвѣтила чрезъ сто лѣтъ колоссальнымъ явленіемъ Пушкина; о той, наконецъ, силѣ вѣры въ себя, которая живетъ въ нашей груди“... „Всѣ серьезные люди, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Герценъ, убѣдились, что *не достаточно идти на буксирѣ за Европой, что въ Россіи есть нѣчто свое* собственное, что необходимо понять и изучить въ исторіи и въ настоящемъ положеніи дѣлъ“ [2]). Какъ трудно

---

[1]) Анненковъ Тамъ же. стр. 121, 149.

[2]) Герценъ. Сочиненія, т. V, стр. 14. Такъ же Н. Страховъ: „Борьба съ Западомъ“, кн. I. стр. 117.

въ этихъ словахъ, гдѣ „нѣмецкая бюрократія“ и „западныя капральскія палки“ ставятся на одну доску съ монгольскимъ игомъ и татарскимъ кнутомъ, гдѣ прямо проповѣдуется, что Россіи „недостаточно идти на буксирѣ за Европой“, а необходимо стать на почву самобытнаго развитія,—какъ трудно, говоримъ, въ этихъ словахъ узнать того Герцена, который еще такъ недавно у себя дома ничего другаго не могъ отыскать, какъ „застоявшееся болото“, спасенія отъ міазмовъ котораго онъ искалъ на томъ Западѣ, который теперь ему казался уже „падшимъ и разваливающимся міромъ“. Конечно, такой переворотъ во взглядѣ Герцена произошелъ не безъ вліянія положенія дѣлъ въ тогдашней Европѣ; но едва-ли мы имѣемъ право пренебрегать слѣдующимъ показаніемъ Анненкова. „По свидѣтельству всѣхъ слышавшихъ Хомякова, говоритъ Анненковъ, онъ производилъ критику соціальнаго и интеллектуальнаго положенія Европы съ особеннымъ искусствомъ, блескомъ и остроуміемъ, хотя и въ границахъ приличія и остроумія, свойственныхъ его чуткому уму. Какъ Герценъ, съ своей стороны, ни старался сдержать и холодить его критическое воодушевленіе, онъ самъ еще не избавился отъ дѣйствія этой критики. Слова Хомякова оставили слѣды въ умѣ и сердцѣ Герцена противъ его воли, можетъ быть, и отразились въ позднѣйшей его проповѣди о несостоятельности и банкротствѣ западной жизни вообще“ [1]).

Изъ представленнаго здѣсь общаго очерка историческихъ условій зарожденія славянофильства видно, что направленіе это не было ни плодомъ досужей фантазіи, ни слѣдствіемъ невѣжественнаго пристрастія къ отжившей старинѣ, ни результатомъ слѣпаго подражанія нѣмецкимъ идеалистамъ, какъ это хотѣлось бы доказать западникамъ: славянофильство появилось у насъ какъ естественная и неизбѣжная реакція противъ рабскаго европейничанья и создано было попреиму-

[1]) Тамъ же, стр. 91.

ществу двумя условіями: во первыхъ, разочарованіемъ въ возлагавшихся на Европу надеждахъ, сопровождавшимся критикой началъ европейской мысли и жизни, и отрицаніемъ пригодности этихъ началъ для русской цивилизаціи; во вторыхъ, потребностью въ идеалѣ, на которомъ могла бы остановиться русская душа, долго, безпутно бродившая по чужимъ краямъ и нажившая тамъ рядъ тяжкихъ хроническихъ болѣзней. Возвращеніе вѣры въ русскій народъ, въ нѣдрахъ котораго покоятся цѣлыя залежи стихійныхъ силъ, способныхъ, при самобытно-свободномъ развитіи, къ высокому совершенствованію, и было тѣмъ цѣлительнымъ бальзамомъ, который славянофилы предложили для излѣченія указанныхъ болѣзней. Анненковъ, самъ переживавшій тогдашнее настроеніе умовъ, сознается, что проповѣдь славянофиловъ „одинаково обольщала всѣхъ, позволяя праздновать открытіе въ нѣдрахъ русскаго міра и посреди общей моральной скудости—богатаго нравственнаго капитала, достающагося почти задаромъ. Всѣ чувствовали себя счастливѣе“ [1]). А что это не пустая фраза, въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго замѣчательнаго признанія Герцена. „Начавши съ крика радости при переѣздѣ чрезъ границу,—сознается онъ,—я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину. Вѣра въ Россію спасла меня на краю нравственной погибели... За эту вѣру въ нее, за это исцѣленіе ею—благодарю я мою родину. Увидимся-ли, нѣтъ-ли—но чувство любви къ ней проводитъ меня до могилы“ [2]). Но извѣстно, что лицъ, которыя, подобно Герцену, разъ павши, могли бы и подниматься, всегда и вездѣ бываетъ не много. Мы знаемъ, кто были героями тогдашняго времени: это Онѣгины и Печорины, которые или разочаровывались, никогда ничѣмъ серьезнымъ не будучи очарованы и, изнывая отъ скуки, не знали, къ чему приложить свои не-

[1]) Воспоминанія, III, 147.

[2]) Т. IV, стр. 120—121.

омнѣнно богатыя силы, или, презирая все русское, подобно ...ткину и Чаадаеву, бросались, подобно Бакунину и Сазо...у, въ омутъ европейскихъ событій и губили свои силы ...лодно для родины и человѣчества. Напрасно они стара...ись наполнить возникавшую въ душѣ пустоту порывистыми ...тремленіями къ наукѣ, къ просвѣщенію, мечтали объ общечеловѣческихъ идеалахъ; ничто не могло наполнить этой пустоты, потому что ничто не могло замѣнить тѣхъ дѣйствительныхъ идеаловъ, которые неизбѣжно утрачивались съ утратой непосредственной связи съ своимъ народомъ. Чтобы уяснить внутреннее состояніе этого рода людей, мы позволимъ себѣ напомнить слѣдующія характерныя строки изъ парижскаго письма къ Огареву того же Боткина, который съ такимъ презрѣніемъ отзывался о русскомъ народѣ. „Жизнь, пишетъ Боткинъ, казалась мнѣ, какъ говоритъ Гамлетъ, пустымъ полемъ, покрытымъ изсохшей травой, надъ которымъ носится смерть, какъ самый отрадный другъ. Страшно, Огаревъ, такое состояніе! Я томился, чувствуя на себѣ какія-то тяжкія и неумолимыя оковы; мнѣ было душно,—и въ душѣ никакихъ потребностей, никакой вѣры, никакой надежды“... (17 февраля 1845 г.)[1]). Кто въ этихъ словахъ отчаявшагося западника не узнаетъ тѣхъ же мотивовъ, которые такъ меланхолично звучатъ въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова: „Выхожу одинъ я на дорогу“. Очевидно, что не одному Боткину въ тогдашнее время „было душно“. Иначе и быть не могло съ людьми, которые вмѣстѣ съ Сатинымъ (въ письмѣ къ тому же Огареву) должны были сознаться: „мы не знаемъ, чего именно хотимъ мы, что именно можемъ мы“... (Парижъ, 21 августа 1845 г.)[2]). Когда сравнишь съ этими печальными, хотя часто высокосимпатичными, типами свѣтлые, какъ день, образы Хомякова, двухъ Кирѣевскихъ, двухъ Аксако-

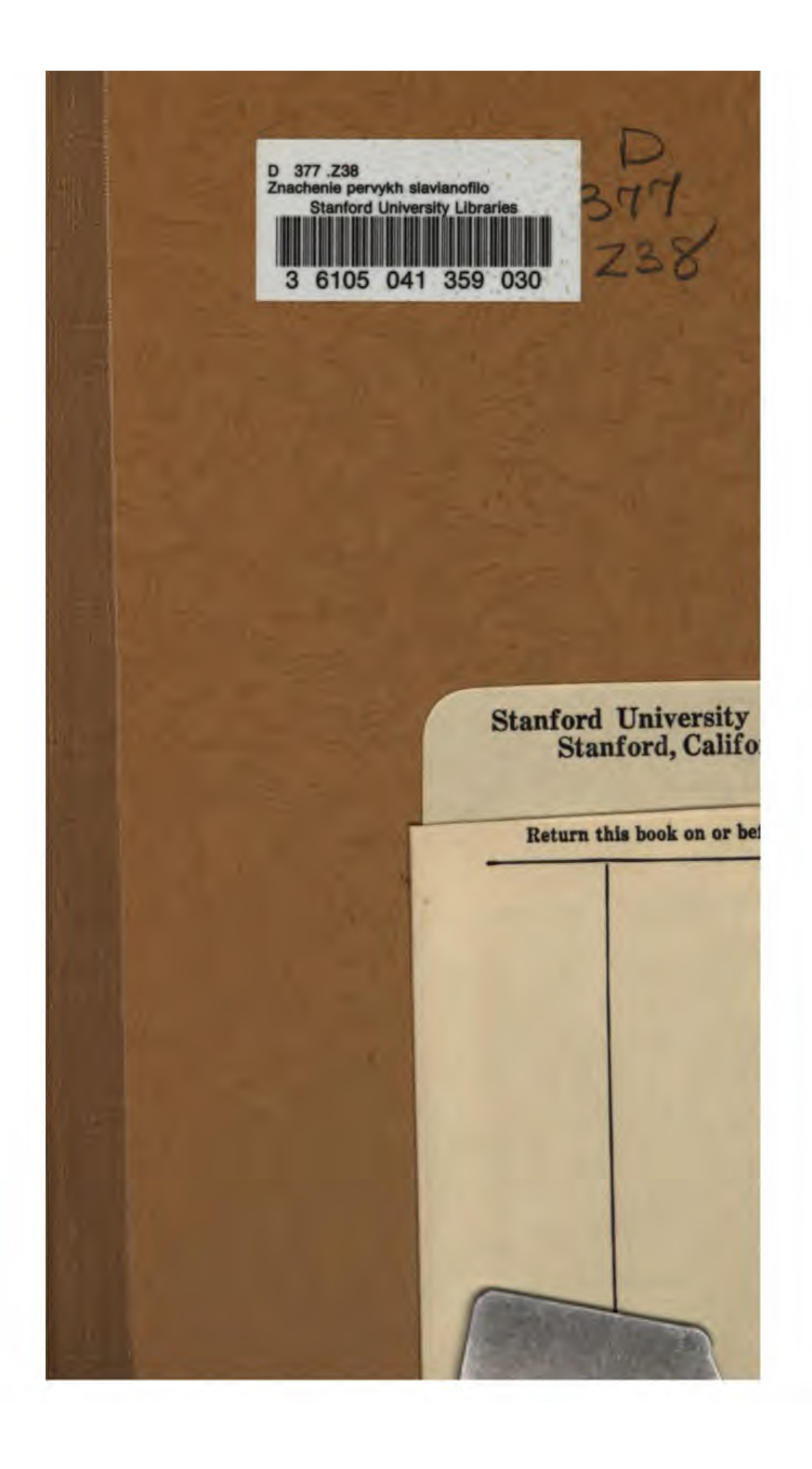
[1]) Русская мысль 1891 г. Августъ, стр. 3.
[2]) Тамъ же, стр. 17.

выхъ, Самарина, Валуева и другихъ тогдашнихъ представителей славянофильства, воодушевлявшихся самыми идеальными, и въ тоже время имѣвшими вполнѣ реальное содержаніе, стремленіями, когда вдумаешься въ ихъ религіозно-философскіе, политическіе и общественные идеалы, въ которыхъ все такъ возвышенно, чисто, благородно, высоконравственно, когда вспомнишь ихъ безграничную вѣру въ великое историческое призваніе Россіи и всего славянства, невольно начинаешь скорбѣть о глубокомъ духовномъ убожествѣ общества, которое еще теперь можетъ выдвигать изъ своей среды проповѣдниковъ идеи *народнаго самоотреченія.* Для славянофиловъ жизнь никогда не казалась мертвой пустыней и смерть никогда не была для нихъ отраднымъ другомъ; имъ не было ни душно, ни страшно, потому что въ душѣ ихъ жила горячая вѣра и живая надежда, потому что они ясно сознавали, чего именно они хотятъ и что именно они въ силахъ сдѣлать. Славянофилы не свободны были отъ глубокой скорби; но это была скорбь любви, а не отчаянія; это была скорбь любящаго отца, скорбѣвшаго о распутствѣ своего блуднаго сына. Эта полная скорби любовь и вызвала ихъ на проповѣдь, за которую они терпѣли всевозможныя поношенія, оскорбленія, преслѣдованія. Но они не пали въ этой борьбѣ, потому что они были не одни: за ними стояли милліоны русскаго народа, сердце котораго говорило ихъ устами. Въ этой ихъ тѣсной, непосредственной связи съ народомъ и заключается та великая нравственная сила, которая въ концѣ концовъ доставитъ ихъ школѣ полное торжество. И мы вѣримъ, что новыя вѣянія, которыя въ послѣднее время стали носиться какъ надъ русскимъ, такъ и надъ общеславянскимъ міромъ, не замедлятъ излечить наше сознаніе отъ того, если можно такъ выразиться, умственнаго малокровія и худосочія, которыя мѣшаютъ намъ подняться до высоты славянофильскаго пониманія идей народности и самобытности. Полному торжеству у насъ этихъ идей, или, выражаясь общѣе—началъ славянофильскаго

ученія, не мало мѣшало то обстоятельство, что до этого времени не сдѣлано было серьезной, строго научной, критической оцѣнки философско-религіознаго міровоззрѣнія славянофиловъ. Въ оставленныхъ ими (особенно Хомяковымъ) отрывочныхъ работахъ по этому предмету содержатся элементы, которые, будучи правильно поняты, развиты, дополнены и приведены въ строгую систему, дадутъ намъ нѣчто такое, что освѣтитъ наше сознаніе еще небывалымъ доселѣ свѣтомъ. Конечно, многое изъ того, что представителями славянофильства высказывалось въ пылу споровъ, или недостаточно обдуманно придется или совсѣмъ оставить, или очистить, видоизмѣнить; но сущность дѣла не въ случайныхъ ошибкахъ или недомолвкахъ, а въ духѣ школы, полное торжество которой въ будущемъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію.

D 377 .Z38
Znachenie pervykh slavianofilo
Stanford University Libraries
3 6105 041 359 030
D
377
Z38
Stanford University
Stanford, Califo
Return this book on or be

